18+

Александр Жунтов

БРЕМЯ БЕЗРОПОТНЫХ

О свободе, за которую приходится отвечать

Александр Жунтов

Бремя безропотных. О свободе, за которую приходится отвечать

«Издательские решения»

Жунтов А.

Бремя безропотных. О свободе, за которую приходится отвечать / А. Жунтов — «Издательские решения»,

В стране, где даже воздух должен быть одобрен, люди давно променяли право выбора на обещание покоя. Игнат привык терпеть и держать чужую тяжесть на своих плечах. Его сын Митя ещё не разучился спрашивать «почему?». Но иногда одного вопроса достаточно, чтобы пошатнулся целый мир.«Бремя безропотных» — философская антиутопия о страхе, достоинстве и цене молчания. Ведь однажды каждому приходится решить: продолжать держать или наконец отпустить.

© Жунтов А.
© Издательские решения

Содержание

БРЕМЯ 6
Предисловие 7
Содержание 8
Пролог. Громкие годы 9
Глава 1. День ожидания 12
Глава 2. Камни 20
Глава 3. Тонкая привычка 26
Глава 4. Сбой календаря 35
Глава 5. Пустая очередь 41
Глава 6. Нет 50
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Бремя безропотных
О свободе, за которую приходится отвечать

Александр Жунтов

© Александр Жунтов, 2026

ISBN 978-5-0071-7637-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БРЕМЯ БЕЗРОПОТНЫХ
А Л Е К С А Н Д Р Ж У Н Т О В

⁂

«Несправедливость — это ответственность каждого, кто молчит».

Предисловие

Бывает, человек молчит не потому, что согласен. Он устал. Он боится за близких. Он надеется, что кто-нибудь другой найдёт нужные слова.

Я не хочу осуждать его. Нам всем знакомо желание переждать беду, не вмешиваться, не рисковать тем немногим, что удалось сохранить. Но однажды приходится спросить себя: кого защищает моя тишина — тех, кого я люблю, или тех, кому удобно моё молчание?

Эта книга не о безупречных героях. Она о людях, которые ошибаются, отступают, боятся — и всё-таки пробуют поступить иначе. О той минуте, когда маленькое «почему?» оказывается сильнее многолетнего «так надо».

Если после последней страницы вам захочется задать вопрос, поддержать кого-то или просто не пройти мимо — значит, мы с вами не зря встретились здесь.

Александр Жунтов

Содержание

Предисловие 3
Пролог. Громкие годы 5
Часть I. Воздух одобрен 11
Глава 1. День ожидания 12
Глава 2. Камни 31
Глава 3. Тонкая привычка 45
Глава 4. Сбой календаря 66
Глава 5. Пустая очередь 78
Глава 6. Нет 100
Глава 7. Стол 115
Часть II. Аварийный режим 132
Глава 8. Первая неделя 133
Глава 9. Тонкая привычка ломается 147
Глава 10. Обнуление 165
Глава 11. Вещи мстят 177
Глава 12. Суд над жертвами 200
Глава 13. Терапевтическая диктатура 224
Глава 14. Тихие 242
Часть III. Бремя 264
Глава 15. Стена 265
Глава 16. Язык 286
Глава 17. Привычка ждать 311
Глава 18. Лучи 342
Глава 19. Стена и дорога 374
Глава 20. Первая смена 404
Эпилог. Через двадцать лет 433

Пролог. Громкие годы

В тот день камни были тёплыми.

Под подошвами скрипела мелкая известковая крошка. За ночь от старого вокзала до площади донесло гарь; ветер ворошил её в щелях между булыжниками, и когда кто-нибудь проходил мимо, поднималась маленькая серая метель. На ступенях бывшего банка замёрзла лужа с радужным пятном керосина. У женщины впереди Агаты на чулке расползалась стрелка. Женщина всё тянула ткань повыше, пока не разорвала окончательно, и тогда просто перестала. Никто не смотрел на неё — все берегли силы для голосования.

Где-то за площадью двое грузчиков перекрикивались из-за сломанного колеса. Агата с неожиданной завистью слушала их злые, громкие голоса. Эти люди хотя бы знали, что им нужно прямо сейчас: одно колесо, два здоровых болта и чтобы третий наконец перестал мешать.

Агата запомнила это лучше, чем результаты голосования, лица министров и даже собственное обещание. К вечеру поднялся ветер, на площади стало холодно, люди кутались в пальто, а камень, зажатый у неё в ладони, всё ещё хранил дневное тепло. Маленький, серый, плоский, с белой прожилкой поперёк. Она подняла его у разбитого фонтана, пока стояла в очереди за бюллетенем.

Фонтан не работал с семьдесят девятого года. Вода из него ушла ещё до того, как Агата научилась читать, и теперь в чаше лежали пепел, окурки, две детские туфли и чья-то ржавая ложка. Старики говорили, что когда-то здесь били струи выше человеческого роста. Агата представляла их с трудом. Вода, летящая просто так, без пользы, — это казалось ей роскошью почти непристойной.

— Девушка, вы двигаетесь или нет? — спросили сзади.

Она повернулась. Мужчина с заклеенным пластырем ухом держал в руках продовольственную карточку, хотя очередь была совсем не за едой.

— Двигаюсь.

— Так двигайтесь. У нас ещё жизнь впереди.

Он произнёс это без улыбки. За последние тридцать лет люди перестали шутить о жизни впереди.

Над площадью висело полотнище: **«ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ПОСЛЕДНИЙ ВЫБОР, КОТОРЫЙ НАМ ПРИДЁТСЯ ДЕЛАТЬ В СТРАХЕ»**.

Буквы были написаны разными оттенками красного. Дождь растёкся по ткани, и казалось, что плакат немного кровоточит.

Война кончилась весной. По радио назвали число погибших — сорок миллионов, — и диктор впервые за всю службу заплакал. Агата не смогла вообразить такое количество людей. Зато легко представляла семь человек: мать, отца, двух братьев, соседку с жёлтым зонтом и мальчика, который летом носил ей яблоки. Каждый из них умер в разные годы, в разных местах и по разным причинам. Вместе они помещались за одним кухонным столом. Сорок миллионов за стол не помещались, поэтому к числу она почти ничего не чувствовала.

Люди вокруг говорили срывающимися голосами. Женщина в зелёном платке доказывала, что никакая тишина не вернёт ей дочь. Высокий мужчина в форме отвечал, что никто и не обещает вернуть, но можно хотя бы не потерять оставшихся. Между ними стоял мальчик лет шести. Он разглядывал свои ногти и время от времени спрашивал, когда они пойдут домой. На его вопросы никто не отвечал.

Агате было двадцать пять. Она служила в мастерской водомеров, умела отличать треснувший клапан от забитого и последние шесть месяцев спала в подвале, потому что там не

было окон. За день до голосования она получила письмо от подруги из северного города: «Мы больше не стреляем. Теперь не знаем, чем занять руки».

Это письмо она носила во внутреннем кармане пальто. В другом лежал пустой конверт, который она собиралась отправить в ответ.

Когда очередь подошла к столу комиссии, пожилая женщина предложила Агате два листка.

— Вы знаете, за что голосуете?

— Знаю.

— Прочитайте ещё раз.

Листок был коротким. Договор Всеобщего Одобрения обещал мир, распределение воды, прекращение распрей и право каждого человека на покой. В последнем пункте значилось, что в период восстановления граждане добровольно воздерживаются от действий, способных нарушить общественное согласие, и передают спорные решения уполномоченным органам.

Никто не объяснил, когда закончится период восстановления.

— Это ведь временно? — спросила Агата.

Женщина в комиссии посмотрела на неё поверх очков.

— Девочка, я всю жизнь ждала, чтобы хоть что-нибудь было временно.

Агата поставила отметку.

Она не была уверена, что голосует за тишину. Скорее — против очередного грохота. Против свиста летящих снарядов. Против голоса матери, которая звала её из-под обломков и вдруг перестала. Иногда человек выбирает не то, чего хочет, а то, чего больше не в силах вынести.

К ночи на площади объявили итоги: явка девяносто четыре процента, за Договор — восемьдесят девять. Из громкоговорителей донеслись аплодисменты, но оборвались через несколько секунд, словно кто-то невидимый опомнился и опустил руку на выключатель.

Потом на балкон вышел новый председатель. Он был так молод, что Агата сперва приняла его за помощника. Председатель развернул бумагу, но читать не стал.

— Мы слишком долго кричали, — сказал он. — Сегодня миру нужен наш пример. Завтра начнётся работа. Сегодня мы позволим себе одно: помолчим.

Толпа замолчала.

Это было не похоже на молчание во время бомбёжки, когда люди прислушивались, не летит ли следующая. Не похоже на паузу перед сообщением о погибших. Впервые за многие годы молчание ничего не предвещало. Оно просто было.

Агата почувствовала облегчение. Такое сильное, что ей захотелось сесть прямо на мостовую и заплакать. Она не села. Люди стояли, и она стояла вместе с ними.

Наутро газеты вышли с короткой передовицей: «ВОЗДУХ ОДОБРЕН».

Горожане сочли это красивым выражением. Его повторяли с усмешкой, посылали друг другу на открытках, писали мелом на стенах. После долгих лет войны даже воздух казался чем-то полученным обратно.

Через неделю у здания правительства выставили большой дубовый стол. На нём подписывали первые мирные распоряжения; по случаю праздника министров угощали хлебом и мёдом. Ножки стола качались на неровных камнях, и четверо рабочих подхватили столешницу снизу, чтобы не расплескался чай. Министры произнесли слова благодарности. Рабочие рассмеялись: пустяки, подержим.

В следующем месяце рабочих пригласили снова. Через год держать стол стало почётным правом. Потом — обязанностью для тех, у кого были достаточно крепкие плечи.

Агата видела самый первый обед. Один из рабочих, совсем мальчишка, переминался с ноги на ногу. Ему не разрешили отойти, пока за столом не закончат речь. Агата хотела поднести

ему стул. Но стул оказался занят, а церемония — важной, и рядом уже стоял человек, который говорил, что потерпеть не так трудно.

Она не принесла стул.

Это был маленький поступок, вернее, маленькое отсутствие поступка. Настолько маленькое, что вечером она почти о нём забыла.

Уже дома Агата достала из кармана камень. На белой прожилке осела грязь, и она оттёрла её рукавом. Положила камень на стол, рядом с письмом подруги. На столешнице лежал нож, которым раньше резали хлеб.

Агата взяла нож и принялась царапать камень. Она провозилась до полуночи, сломала кончик лезвия, содрала кожу с пальца. Получилась одна кривая буква, за ней другая. Когда работа была закончена, слово напоминало ряд маленьких трещин.

ПОЧЕМУ.

Агата спрятала камень в карман.

— Я буду помнить, — сказала она пустой комнате.

И впервые за день испугалась собственного голоса.

Часть I. Воздух одобрен

«Пап, а мы можем не ждать?»

Глава 1. День ожидания

Игнат проснулся от того, что у него болела левая рука.

Не плечо, как обычно, и не локоть. Болела ладонь: глубоко, в самой середине, будто там всю ночь лежал камешек. Он открыл глаза, пошевелил пальцами и прислушался. Из кухни доносился осторожный металлический стук.

Тук. Тук-тук. Пауза. Тук.

По этому стуку он сразу понял две вещи: Митя уже встал и будильник больше не работает.

Игнат потянулся к окну. На улице было ещё серо. Над домом напротив висела мокрая простыня, забытая со вчерашнего дня, хотя оставлять бельё на ночь не рекомендовалось: это могло создать у прохожих впечатление неоконченного дела.

Ему всё ещё снился Стол. Во сне ничего не происходило: никто не ел, не вставал, не произносил речей. Игнат держал снизу холодную доску, а за ней — ещё одну, огромную, невидимую. Он хотел повернуть голову, но шея была будто прибита. Просыпался он всегда в ту секунду, когда деревянное ребро медленно съезжало по плечу к горлу.

На левом плече рубаха давно протёрлась — не там, где ткань касается кожи, а выше, где даже спящий человек невольно подставляет руку под тяжесть. Игнат просунул пальцы под ворот и нащупал твёрдый валик старого рубца. Стоило задеть его ногтем, и по руке до мизинца пробегала горячая, злая нитка. Врач однажды сказала, что это нерв. Он тогда спросил, можно ли нерв распрямить, как погнутую вилку. Врач не поняла шутки, а он не стал повторять.

У кровати лежали валенки, внутри сырые после вчерашнего дождя. Он всунул ступни и сразу пожалел. Ноги за ночь не высохли, а утром уже ждать было некогда. Он вдруг подумал, что Митя никогда не видел его босым на работе. Сын знал, что отец держит Стол, но не знал, сколько дней потом пахнут плохо вымытые ноги и как страшно бывает чихнуть, если в руках чужой обед.

Он попробовал сжать кулак. Указательный палец поддался, средний согнулся не до конца, безымянный остался торчать, как обиженный свидетель. Игнат взял его правой рукой и осторожно согнул. Сустав хрустнул. Так начиналось каждое утро после двадцатого года службы у Стола.

По ночам у Игната болели не только руки. Иногда казалось, будто кости под ключицами сдвинулись и теперь неправильно трутся друг о друга. Он поворачивался на бок, надеясь отдохнуть, но мышцы сами собирались в привычный упор, плечо поднималось, локоть застывал, а ладонь раскрывалась так, как полагалось подпирать столешницу. За годы службы тело выучило работу точнее любого распорядителя. Если бы Стол исчез прямо сейчас, Игнат, проснувшись, всё равно попытался бы удержать его вес.

Марья знала, когда лучше к нему не подходить. Иногда он отталкивал её во сне, не сильно, но резко, как отталкивают человека, вставшего в опасное место. Потом просыпался, хватался за край одеяла и долго не мог понять, где находится. Однажды он попросил жену не ставить тяжёлые кастрюли на стол у кровати: от звука дерева под железом сводило шею. Марья убрала кастрюли, ничего не спросила. Только на следующий день постелила на кухонный стол толстую ткань, и ложки перестали звенеть.

Утром он вымачивал кисти в миске тёплой воды. Не горячей: от горячей пальцы сначала становились мягче, потом отекали. Воду экономили, поэтому после него Марья стирала в той же миске носки, а Митя ополаскивал кисточку, если получал разрешение рисовать. В последний месяц разрешение он просил всё реже. Кисточка была одна, щетина вылезала клочьями, зато Митя считал её своей. Игнат иногда ловил себя на мысли, что сын, ещё не умеющий толком писать, уже владеет большим количеством вещей по-настоящему: не по записи в книге, а потому, что может решить, что с ними сделать.

Однажды он попытался разрезать хлеб. Лезвие вошло в чёрствую корку, но кисть не удержала рукоять. Нож повернулся боком и соскользнул на стол. Марья потянулась помочь, Игнат резко сказал:

— Сам!

Она убрала руку. Через минуту нож снова соскользнул. В этот раз он стукнул рукоятью о край стола, так что Митя вздрогнул.

— Ну чего ты лезешь? — сказал Игнат мальчику, хотя тот сидел на другом конце кухни.

— Я не лезу, — удивился Митя. — Я ем.

Игнат посмотрел на него, затем на хлеб. Не было никакой причины сердиться на ребёнка. Просто сильные мужчины, которые держат чужой обед, не должны испытывать трудностей с собственным. Так он думал, и от этой мысли хлеб делался ещё твёрже.

Марья молча принесла влажную тряпку, постелила под буханку, чтобы не скользила, и подала более широкий нож. Игнат попробовал. Разрез получился неровный, корка отломилась с краю. Митя взял первый кусок, намазал на него тонкий слой вчерашнего жира и сказал:

— Мне такой нравится. Уголок большой.

Игнат чуть не ответил, что мальчик утешает его, хотя никто не просил. Потом увидел, что сын действительно выковыривает из угла мякиш и с удовольствием жуёт. Куску хлеба было всё равно, насколько красиво он разрезан.

В комнате пахло мокрой шерстью, вчерашним дымом и кислой капустой. На оконном стекле застыли жирные следы детских пальцев. Раньше Игнату такие мелочи казались признаком бедности. Теперь они были единственными вещами, которые он замечал, просыпаясь: как поскрипывает лестница, как Марья шуршит газетой, как от холода саднит кожа на костяшках. Другого мира он почти не видел. Когда выйдет из дома, запахи сменятся: сырая штукатурка у подъезда, тёплый хлеб у пекарни, пот и дешёвое мыло в нижней комнате для державших. А к вечеру снова будет дерево и чужая еда над головой.

Иногда по дороге на смену ему хотелось остановиться у первой попавшейся двери и постучать — не потому, что кто-то звал, а чтобы спросить, нельзя ли сегодня остаться в тепле. Он представлял эту просьбу и тут же презирал себя. Быть взрослым означало держать. В детстве отец говорил: если взялся за край, не отпускай, иначе на других упадёт. Только отец имел в виду телегу с дровами. Сорок лет спустя сын стоял под Столом, за которым ели господа, и не был уверен, в какой именно день хороший совет превратился в приговор.

Тук-тук.

— Митя, — позвал он.

Стук оборвался.

— Я почти всё!

Это было худшее из возможных объяснений.

Игнат встал, набросил рубаху и вышел в кухню. На столе лежали колёсики, пружины, две стрелки и корпус будильника с открытой спиной. Митя сидел на табурете, поджав одну ногу. Волосы торчали в разные стороны. На щеке отпечаталась полоска от подушки.

— Он спешил, — сообщил мальчик.

— Поэтому ты его разобрал?

— Нет. Поэтому я его открыл. Разобрал уже потом.

— Разница большая?

— Очень.

Игнат посмотрел на детали. Среди них была маленькая блестящая гайка, которая утром прищемила бы ему босую пятку.

— А если не соберёшь?

Митя нахмурился, удивлённый самой постановкой вопроса.

— Тогда буду знать, что не собрал.

Этому ответу Игнат не нашёл достойного возражения. Он и сам не знал, что хуже: испорченный будильник или ребёнок, который не боится его испортить.

Из-за занавески вышла Марья. Она одевалась всегда так тихо, что домашние замечали её лишь тогда, когда она уже принималась за дело. Сейчас она держала свёрнутую газету двумя пальцами, словно бумага была ещё мокрой.

— Принесли, — сказала она.

Игнат взял газету и развернул верхний край. Вверху, под датой «Третий день ещё ожидания», крупно значилось: «ВОЗДУХ ОДОБРЕН». Ниже шёл прогноз осадков и указание для жителей столицы: вдохи обычной глубины, без демонстративной поспешности.

Только прочитав строку, Игнат сделал полный вдох. Это случилось само собой, раньше мысли. Так же он закрывал дверь, проверял узел на мешке, уступал дорогу смотрителю. Тело выучило правила надёжнее головы.

— Сегодня мелкий дождь, — сказала Марья.

— Значит, мелкий.

Митя заглянул через его локоть.

— А если они не напечатают?

— Что?

— Воздух.

— Куда он денется?

— Вот и я думаю, — обрадовался мальчик. — Он же не знает, что про него пишут.

Марья повернулась к сыну.

— Не надо.

Она сказала это совсем негромко. Но Митя опустил глаза и стал искать самую мелкую пружину. Игнат почувствовал знакомое раздражение — не на ребёнка, на то, что ему приходится всё время выбирать между ответом и осторожностью. Он предпочёл чайник.

В чайнике воды хватало на три чашки, если наливать по метке. Игнат налил две с половиной. Половину оставил на вечер: в очереди могли задержать.

— Ты сегодня держишь? — спросила Марья.

— Сегодня проверка опор. А держание завтра.

— В газете было другое.

— Газета вчерашняя.

Марья поставила перед ним кусочек хлеба, отрезанный почти прозрачным ломтем. Её собственная порция лежала на краю тарелки. Митя соскребал со стола винтиком ржавчину, совсем забыв о еде.

— Возьми хлеб, — сказал Игнат жене.

— Я поела.

Он знал, что это неправда. Она тоже знала, что он знает. Оба давно научились не тратить слова там, где слова ничего не изменят.

— Папа, — спросил Митя, — а кто держит стол, когда все спят?

— Ночью за ним не едят.

— Нет, я про другое. Если вдруг его надо будет держать ночью. Кто решает?

— Дежурный смотритель.

— А кто решает за смотрителя?

Игнат положил хлеб обратно.

— У тебя сегодня уроки?

— Сначала календарь, потом одобренное слово.

— Вот на календаре и спрашивай.

— Я спрашивал. Учительница сказала, что вопрос не относится к календарю.

— Значит, не относится.

— Но он про время.

Мальчик говорил без вызова. Он действительно пытался понять. От этого Игнату было ещё тяжелее: с непослушанием он хотя бы знал бы, что делать.

В дверях кухни Марья взяла сына за плечи.

— Собери то, что разобрал. И вымой руки перед школой.

Когда Митя ушёл умываться, она посмотрела на мужа.

— Сегодня в школу придёт настройщик.

Игнат медленно разгладил газету на колене.

— Откуда знаешь?

— Соседка слышала. В прошлом месяце их вызывали к мальчику из третьего класса. Тот стал спрашивать, зачем очередь, если в конце никого нет.

— И что?

— Больше не спрашивает.

За стеной зажурчала вода в трубе. Игнату показалось, что в этом звуке есть насмешка: труба не интересовалась, кому разрешили течь. Она просто ещё держалась.

— У Мити хороший учёт по терпению, — сказал он.

— До вчерашнего дня.

— Что было вчера?

Марья отвела взгляд.

— Он отказался переписывать фразу. Сказал, что «я готов принять» не значит «я хочу».

— А это и не должно значить.

— Он так и сказал учительнице.

Игнат долго смотрел в газету, хотя не читал. Ему хотелось рассердиться: на Митю, на Марью, на учительницу, на слова. Но злость требовала места внутри, а там, где она должна была помещаться, годами лежало что-то тяжёлое и неподвижное.

— Я поговорю с ним вечером.

— Только не пугай.

Он поднял голову.

— Я похож на человека, который умеет пугать?

Марья чуть улыбнулась. Потом улыбка пропала.

— Нет. Ты похож на человека, который умеет бояться.

⁂

Улицы Одобрино были устроены так, чтобы человек нигде не мог пройти слишком быстро.

На каждом перекрёстке стоял знак обязательного ожидания. Время определялось не движением повозок и не потоком пешеходов, а расписанием малых пауз: на одном углу следовало задержаться на двадцать вдохов, на другом — на сорок. Рядом с остановкой трамвая была пауза благодарности. Там люди благодарили за возможность продолжить путь, даже если трамвая не было.

Игнат вышел раньше положенного. Если пройти дворами, можно было бы срезать дорогу, но дворы официально считались личными пространствами, а стремление сократить путь — частным желанием. Он не стал срезать.

У первого перекрёстка скопилось около тридцати человек. Впереди стояла женщина с корзиной и кашляла в рукав. За ней мальчик пытался удержать вертикально длинную метлу. Он ронял её каждые несколько минут, и люди терпеливо поднимали рукоять, не произнося ни слова.

На противоположной стороне улицы висели часы без секундной стрелки. Круглый циферблат был чист, но показывал пять минут после семи уже третий месяц. Чиновники поясняли, что ремонт согласуется. Никто не спрашивал, с кем.

Игнат встал в очередь за женщиной с корзиной.

— Сколько осталось? — спросил он.

— От начала или до конца?

— До конца.

— Не знаю.

Женщина вынула из корзины варёную репу, разломила пополам и предложила одну часть Игнату. Он отказался. Она пожала плечами и съела обе. Этот поступок показался ему почти дерзким.

— Сегодня пятая очередь? — спросил он.

— Шестая. Пятая с утра закрыта: там не хватает людей для правильной длины.

— А что выдают в шестой?

— Не выяснила ещё.

— Понятно.

Она посмотрела на него внимательно.

— Вам правда понятно?

Игнат не ответил. Ему стало неприятно, что чужая женщина при всех сказала вслух то, о чём он предпочитал не думать.

На перекрёстке появился смотритель в серой шинели. Подошёл к столбику, ударил маленьким молотком по железной пластине. Едва слышный звук означал завершение паузы. Очередь тронулась.

— Хорошего ожидания, — пожелал смотритель.

— И вам, — ответили люди.

Игнат пошёл дальше. За школой «Одобренного слова» он свернул к площади. Ветер тянул по мокрой мостовой листья. Далеко, за крышами, поднималась каменная громада Стола. На самом деле стол был деревянным — толстый дуб, тёмный лак, фигурные ножки, — но снизу его обложили камнем, чтобы создать впечатление вечности.

У площади Игната остановила старая женщина с холщовым мешком.

— Помоги, — сказала она.

Это была Агата. Он знал её много лет, хотя не мог сказать, откуда именно. В городе были люди, которых видишь так часто, что перестаёшь помнить первую встречу. Агата была одной из них. Сухая, низкая, с глазами, которые словно не соглашались стареть вместе с остальным лицом.

— Тяжёлый? — спросил Игнат.

— Если я скажу, что лёгкий, ты не поможешь?

Он подхватил мешок, удивился весу.

— Что там?

— Камни.

— Зачем столько?

— Один за каждый год.

— Вы слишком долго живёте.

— Вот с этим соглашусь.

Она пошла рядом. Агата ступала осторожно, но не медленно: ноги знали, куда несут её, даже если суставы протестовали.

— Ты держишь? — спросила она.

— Завтра.

— Я не про завтра.

Он взглянул на неё.

— Держу.

— Вижу.

Они помолчали. Игнат подумал, что старуха несёт камни, словно кому-то постоянно должна, и сам удивился этой мысли. В Республике все кому-то должны были, но обычно долг называли честью.

— Вчера мальчишка из вашего дома у меня про часы спрашивал, — сказала Агата.

— Митя?

— А у тебя другой есть?

— Нет.

— Он сказал, что время нельзя починить, но часы можно. Хотел узнать, почему взрослые путают одно с другим.

Игнат перехватил мешок другой рукой.

— Не слушайте его. Он всё спрашивает.

— А что ещё ему делать? Он ведь ребёнок.

— Дети могут играть.

— Когда я была маленькой, я играла в войну. Не самая полезная игра, как выяснилось.

— Теперь в войну не играют.

— Теперь играют в очередь. Не уверена, что это лучше.

Он остановился. Люди обходили их по краю мостовой, стараясь не заметить задержки.

— Осторожнее с такими словами, Агата.

Старуха протянула руки к мешку.

— Это ты мне говоришь?

— Я говорю, что могут услышать.

— Могут. Уши у нас пока одобрены.

Игнат хотел улыбнуться, но не сумел. Он отдал мешок и уже собрался уйти, когда Агата вдруг спросила:

— Как у тебя плечи?

— Работают.

— Я спрашивала не об этом.

Он машинально выпрямился. Боль прошла от шеи вниз по спине, тёплая и острая.

— Нормально.

— Иди тогда. Только не забывай, что у тебя руки не из дерева.

Агата двинулась к церкви. Мешок стукался о её ногу. Игнат смотрел вслед, пока она не скрылась за углом. Потом направился к служебному входу — вернее, к служебной очереди. Дверей в министерских зданиях не было: их заменяли входные коридоры, где гражданин получал право приблизиться к нужному помещению.

⁂

Проверку опор проводил смотритель по имени Роман. Игнат помнил его ещё мальчиком: тот приносил отцу обед, пока отец стоял у Стола. Теперь Роман носил форму и измерял наклон чужих спин.

— Наклон вправо увеличился на три градуса, — сообщил он, приставив линейку к лопатке Игната.

— Значит, буду стоять левее.

— Положение определяется разметкой.

— Тогда снимите три градуса с разметки.

Роман не рассмеялся. Он записал что-то в журнал.

— Шутки на медицинском осмотре не приветствуются.

— Я не шутил.

Это было почти правдой.

Вдоль стены ждали своей проверки ещё одиннадцать мужчин. У некоторых под рубашками виднелись тугие повязки. Одному, совсем молодому, было трудно держать подбородок

прямо. Игнат помнил, как того привели впервые. Тогда он гордился: семье назначили дополнительные талоны одобрения, а соседи поздравляли мать с крепким сыном. За три года мальчик стал похож на человека, который несёт на спине невидимый шкаф.[1]

— Расправьте пальцы, — велел Роман.

Игнат показал ладони.

— Не полностью.

— Знаю.

— Отметим ограничение.

— Отметьте.

Роман колебался. Потом неожиданно заговорил не служебным голосом:

— Отец в прошлом году умер. Вы, наверное, слышали.

— Слышал. Соболезную.

— Он до последних дней просыпался в четыре, хотя уже не выходил на смены. Сядет на край кровати, руки вот так поставит, будто под что-то подлезает. А потом вспоминает, что дома.

Роман показал жест. Игнат узнал его так хорошо, что невольно повторил.

Смотритель быстро опустил руки.

— По результатам проверки вы годны, — сказал он обычным голосом.

— Спасибо.

— Следующий.

Игнат отошёл к окну. На площади уже собирались рабочие для завтрашнего церемониального обеда. Их строили по росту, проверяли обувь. Над Столом висели тяжёлые люстры. Когда свет попадал на стеклянные подвески, они блестели так, словно внутри было спрятано чистое солнце.

Он вдруг представил, что стол никто не подхватывает. Что его ножки сами стоят на полу. Или не стоят. Что-нибудь обязательно случится — упадёт супница, разобьётся стакан, кто-то вскочит с криком. А потом? Он не смог довести мысль до конца.

У Стола были четыре ножки. Это была очевидная вещь, настолько очевидная, что о ней не говорили. И всё же двадцать лет его подпирали люди.

— Игнат! — крикнул Роман. — Завтра явка за час до первых блюд. Не опаздывайте.

— Не опоздаю.

Он вышел на площадь и почувствовал, как от мокрых камней поднимается запах земли. Солнце пробивалось сквозь облака, но его не было видно. Где-то за школьными стенами прозвенел тихий колокол: молоток ударил по металлу, и звук сразу утонул в уличном шорохе.

До вечера оставалось несколько часов. На обратном пути Игнат мог зайти к трубному участку и узнать, отчего в их доме по ночам вода бежит по стене. Там, правда, была очередь на внесение предложения по углублению терпения. Обычно она занимала два дня.[2]

Игнат встал было в её хвост. Перед ним было семь человек. Впереди женщина держала пустое ведро и смотрела на кирпичную стену. Из соседнего водостока капало прямо на мостовую. Каждая капля оставляла тёмное пятно, пятна соединялись в маленький ручей и уходили под колёса припаркованной повозки.

Он вспомнил утренний вопрос Мити: «А если они не напечатают?»

Поднял голову. Посмотрел на воду.

Впервые за долгое время ему пришло в голову сделать что-то без разрешения. Не великое — всего лишь подставить под водосток пустую банку, чтобы вода не уходила в грязь. Но своей

---

[1] Талоны одобрения — расчётные единицы Республики, начисляемые за общественно предписанное терпение и послушание. Действуют до конца календарного месяца и не подлежат накоплению.

[2] Предложение по углублению терпения — официальное название жалобы после принятия Закона о переводе жалобы. Предложение регистрируют, но срок ответа не устанавливают.

банки у него не было. Можно было попросить ведро у женщины. Она, наверное, не даст. Или даст. Или спросит, кто одобрил.

Игнат так и остался стоять.

Солнце спряталось, и вода в стоке потемнела.

Вечером он вернулся домой с пустыми руками. Митя сидел на полу возле печки и возился с будильником. На столе лежала газета, которую Марья аккуратно сложила по сгибам.

— Ну? — спросил отец.

— Не получилось.

Игнат присел рядом. Один винтик лежал отдельно от прочих, на блюдце.

— Лишний?

— Нет. Просто я не знаю, где он должен быть.

— Значит, лишний.

— Нет, пап. Если я не знаю, зачем он нужен, это ещё не значит, что он лишний.

Игнат взял винтик. Тот был маленький, почти невесомый. Не шёл ни в какое сравнение с мешком Агаты или тяжестью Стола. И всё же он почему-то не захотел сразу положить его обратно.

— Дай посмотреть, — сказал Игнат.

Митя подвинулся, освобождая место у печки.

Они сидели рядом и молча рассматривали разобранный механизм. За окном текла вода. На лестнице кто-то откашлялся, произнёс обязательную благодарность за день и поднялся этажом выше.

— Пап, — тихо спросил Митя, — если мы вдвоём не поймём, можно спросить ещё кого-нибудь?

— Можно.

— А если и он не поймёт?

Игнат повертел винтик между пальцами. Он хотел сказать привычное: «Тогда будем ждать». Слова уже подошли к губам.

Но он посмотрел на часы, потом на сына.

— Тогда попробуем ещё раз, — ответил он.

Митя кивнул так просто, будто услышал самую обыкновенную вещь на свете. И снова взялся за отвёртку.

Игнат долго не отпускал винтик.

— ⁂ —

«Если я не знаю, зачем он нужен, это ещё не значит, что он лишний».

Глава 2. Камни

В церкви Великого Одобрения было тепло лишь возле двери.

Это происходило по недосмотру: из соседней пекарни через стену проходила труба, и на нескольких квадратных шагах у входа воздух оставался тёплым даже зимой. Прихожане знали об этом и старались приходить пораньше. Формально никому не запрещалось выбирать место. Но те, кто вставал возле трубы слишком настойчиво, рисковали услышать замечание о преждевременном стремлении к удобству.

Агата вошла последней. Не потому, что опоздала. Просто дважды возвращалась домой: сперва за очками, потом — проверить, не оставила ли включённой лампу. На самом деле лампу она не включала со вчерашнего вечера, но старость обзавелась своими маленькими хитростями и теперь иногда уводила её по кругу.

У входа сидел мальчик в серой куртке и разглядывал свои мокрые ботинки. Агата узнала Митю.

— И тебя сюда? — спросила она.

— Нас всем классом привели. Молитва по расписанию. А вы зачем?

— Я по собственному безрассудству.

Он поднял глаза.

— Это как?

— Захотелось погреться.

— Но тут холодно.

— Значит, безрассудство удалось.

Митя улыбнулся. Только одним уголком рта — другой был занят серьёзностью, с которой он смотрел на мир.

Из глубины зала донёсся тихий скрип скамейки. Священник Климент поднялся к кафедре, опираясь на трость. Был он высоким, очень худым, с седой бородой, казавшейся длиннее самого лица. На правой руке отсутствовал кончик мизинца: война отняла его вместе с привычкой держать карандаш.

— Дети, встаньте, — сказала учительница.

Сорок учеников послушно выпрямились.

Агата медленно сняла пальто и поставила мешок у ног. Камни глухо стукнулись друг о друга. Митя наклонился к звуку, но учительница бросила на него предостерегающий взгляд.

Климент раскрыл Книгу Одобрения.

— Сказано в Книге Ожидания: «Не торопи день, ибо день придёт, когда будет готов принять тебя».

Он помолчал. Тишина в церкви была не полной: кашляла старуха, шуршала одежда, в стекле дребезжал ветер. Климент не злился на эти звуки. Он помнил другие — от которых нельзя было спрятаться даже под землёй.

— Многие из нас спрашивают, — продолжил он, — почему терпение стало главной добродетелью. Ответ прост: потому что нетерпеливые однажды решили, будто земля принадлежит им одним. Они захотели воды, которую нельзя было разделить. Они захотели победы, которая не могла накормить детей. Их желание обернулось тридцатью годами смерти.

Агата слушала эту проповедь раз в месяц. Иногда менялись слова, но не ход мысли: те, кто хотел, убивали; те, кто терпит, живут. Между двумя частями утверждения потерялось слишком многое, но потерянное было трудно произнести, не разрушив самого утешения.

Митя поднял руку.

Учительница медленно закрыла глаза.

— После службы, — прошептала она.

Митя опустил руку.

— Бог не требует от нас невозможного, — говорил Климент. — Не требует подвига. Не требует стремления превзойти ближнего. Он просит только не причинять друг другу боль.

Агата посмотрела на его пальцы. Кончик мизинца отсутствовал, но все остальные были крепкими. Когда-то этими руками Климент носил раненых; сам рассказывал об этом, пока такие рассказы не стали считать слишком тревожными для детей.

— А если боль уже причиняют? — спросил Митя.

Вопрос прозвучал неожиданно громко. Люди повернули головы. Учительница схватила мальчика за локоть, но он продолжал смотреть на священника.

— Если уже причиняют, разве надо просто ждать?

Климент замолчал.

Тишина изменилась. Прежде она была частью службы, теперь в ней кто-то ждал решения. Агата почувствовала, как пересохло во рту. Она снова увидела давнюю площадь, дубовый стол и мальчишку, который переступал с ноги на ногу, пока министры заканчивали речь.

— Вопрос непростой, — сказал наконец Климент.

— Но я простой спрашиваю.

Кто-то из взрослых едва слышно хмыкнул.

Учительница нагнулась к Мите:

— Достаточно.

Климент поднял ладонь.

— Пусть договорит.

Митя растерялся. Возможно, он впервые в жизни встретил взрослого, который действительно позволил ему договорить.

— Если человек тонет, — сказал он, — а я буду молиться, чтобы его спасли, но верёвка рядом со мной, я хороший?

На последних словах он говорил уже тише. Не испугался — просто понял, что весь зал слушает только его.

Климент посмотрел на распятие над кафедрой. Ему потребовалось усилие, чтобы не ответить готовой фразой. Таких фраз было много: «человеку не дано судить», «Бог видит намерение», «терпение есть спасение». Каждая годилась для стенгазеты, ни одна — для ребёнка возле реки.

— Верёвку нужно бросить, — сказал он.

Учительница вздрогнула.

— Значит, это тоже молитва? — спросил Митя.

Климент открыл рот. Потом закрыл.

— Возможно, — ответил он.

Это слово оказалось для него труднее, чем целая проповедь.

⁂

После службы учительница увела класс на урок одобренного слова. Митя задержался: у него развязался шнурок. Он присел возле Агаты, которая перекладывала камни в мешке, чтобы тяжесть не приходилась на одно плечо.

— Почему вы их носите? — спросил он.

— Чтобы не забыть.

— Что?

— По-разному. Каждый камень — один год, а слово на нём — то, что я в тот год не сумела сказать.

Агата вынула камень с ровной, почти чёрной поверхностью. На нём были выцарапаны четыре буквы: «БОЛЬ».

— Это за какой год?

— За тот, когда у меня перестали брать письма для отправки. Я тогда решила, что боль — дело частное. А потом увидела, сколько нас с таким частным делом.

Она достала другой камень, светлый, неровный.

— Здесь «ИМЯ». Я боялась забыть, как звали одного человека.

— И забыли?

— Нет. Поэтому камень работает.

Агата покатала чёрный камень по ладони. Под ногтем у неё всё ещё сидела старая заноза, доставшаяся от деревянного ящика. Митя потянулся к мешку, но она придержала его руку.

— Этот не бери пока. Он тяжёлый.

— Все тяжёлые.

— Умный какой. Я про другое. Человек был. Гриша, с хлебной улицы. Нос у него красный, будто он всю жизнь на морозе. А сам вечно потел. Когда на рынке ещё яблоки бывали, выискивал самые кривые — говорил, красивые наверняка деревянные. И ел картошку с кислым молоком. Бр-р, я один раз попробовала, думала, помру.

Митя недоверчиво улыбнулся.

— А он?

— А ему нравилось. Знаешь, как смеялся? Прямо кашлял от смеха. Сначала кхе-кхе, а потом уже хохот. Я ему говорила: «Гришка, ты лопнешь». А он: «Дожить бы до такого счастья».

Она остановилась, поднесла камень к глазам. Буквы на нём стёрлись по краям. Гриша стоял у пекарни в день, когда на поставку хлеба перестали выдавать карточки. Не выругался, только спросил, чем кормить племянников. Вечером его забрали на настройку. Потом вернули — целого, с руками и ногами, но он больше не смеялся. Агата раза три приходила к нему с картошкой. Он её ел и всё время спрашивал, много ли ещё осталось ждать. Последний раз она ответила: «Не знаю». После этого он перестал открывать дверь.

— Он умер? — спросил Митя.

— Да. Но не сразу. Это важно, понимаешь? Не сразу. Он ещё долго сидел у окна. Я могла зайти. А я… то рынок, то ноги болят, то дождь. Всё время что-нибудь.

— Это вы виноваты?

Агата сердито выдохнула.

— Я тебе что, судья? Не знаю. И ты сейчас не узнаешь. Просто запомни: он любил кислое молоко. Если забуду я, кто ещё вспомнит?

Митя снова посмотрел на камень. Он перестал казаться ему вещью из церкви. Теперь там, за буквами, стоял человек с красным носом и странным вкусом на еду.

Митя взял третий. На нём длинное слово пересекала белая трещина.

— Я не могу прочитать.

— Давай.

Он проводил ногтем по буквам, шевеля губами:

— Не… спра… вед… ли… во.

Агата подняла голову. Было слышно, как за стеной пекарни с металлическим звоном поставили на пол противень.

— Это запрещённое слово? — спросил он.

— Да.

— Почему?

— Потому что, когда ты его произносишь, приходится спрашивать: кому несправедливо? Кто сделал? Кто мог помешать?

— Разве это плохо?

— Не знаю, Митя. За много лет я так и не смогла разобраться, почему вопрос считают опаснее ответа.

Он некоторое время молчал, потом спросил:

— А это слово что значит?

Агата хотела дать привычное объяснение. О том, что одним достаётся слишком много, другим слишком мало; что сильный может обижать слабого; что люди умеют придумывать красивые названия некрасивым вещам. Но все эти мысли не помещались в детскую ладонь вместе с камнем.

— Помнишь, когда ты был маленьким и кто-нибудь забирал у тебя игрушку?

— У меня почти не было игрушек.

— Тогда хлеб. У тебя был кусок хлеба, а у другого — целая буханка. Он забирал твой кусок, а все говорили, что это правильно, потому что он заслужил больше.

— А если он правда заслужил?

— Тогда спросим, чем. А если не заслужил — почему мы должны молчать?

— Значит, несправедливо — это когда надо спросить?

Агата улыбнулась.

— Может быть, ты объяснил лучше меня.

Она хотела забрать камень, но Митя держал его на раскрытой ладони, будто боялся, что слово рассыплется.

— Можно я запомню?

— Не проси разрешения на память.

— А можно вслух?

Она посмотрела на пустеющий храм. Климент всё ещё стоял у кафедры и складывал книгу. Кажется, он слышал их разговор, но не поворачивался.

— Тихонько, — сказала Агата.

Митя приблизил камень к лицу.

— Несправедливо.

Слово прозвучало без злости. Он пробовал его, как пробуют вкус незнакомого плода.

— Ещё раз, — попросила Агата.

— Несправедливо.

На этот раз он произнёс увереннее.

Агата не сразу забрала камень. Митя стоял с ним у окна, ловя полоску света, и тёмные буквы становились то видны, то почти исчезали. За стеклом мелькали маленькие капли дождя; каждая сползала по своей дорожке. В храме затихли последние шаги, но снаружи ещё слышались детские голоса: учительница выстраивала класс и пересчитывала воспитанников, словно мешки с мукой.

— А вы сами когда так говорили? — спросил Митя.

— Как?

— «Несправедливо». Не на камне. Просто.

Агата долго вытирала ладонью мокрый подоконник, хотя не собиралась на него садиться.

— Давно, — сказала она. — Была молодая, глупая. Тогда все много говорили. Некоторые орали так, что стены дрожали. А толку, знаешь, не всякий раз больше.

— А вам за это делали что-нибудь?

— Иногда. Иногда я сама другим делала. Кому-то слово не дала сказать. У нас ведь тоже не сказка была до Договора.

Он не отводил глаз. Детям в школе рассказывали про Громкие годы так, словно каждый взрослый до референдума был либо героем, либо преступником. Агата не походила ни на того, ни на другого. У неё на рукаве торчала нитка, возле виска приклеился седой завиток, от мокрых ботинок пахло сырой кожей.

— Я однажды в очереди за хлебом поссорилась с женщиной, — сказала Агата. — У неё маленький сын был. Я подумала, что она лезет вперёд, и схватила её за рукав. Так дёрнула,

что пуговицы посыпались. Она мне: «У мальчика температура». А я: «У всех что-нибудь». Хорошие слова, да?

Митя скривился.

— Плохие.

— Ну вот. А тогда мне казалось, справедливость защищаю. Передо мной сорок человек стояли. Почему она должна раньше? Потом увидела, что мальчишка у неё на руках серый весь, как полотенце после стирки. И не плачет. Мне бы пропустить её, да хотя бы спросить, чем помочь. А я за пуговицы схватилась: собирала с земли, будто в них всё дело.

— И что с мальчиком?

— Не знаю. Они ушли. Я даже имени не спросила.

Она замолчала. Митя попробовал вернуть ей камень, но она покачала головой: пусть подержит.

— Когда человек старый, ему кажется, что он всё помнит. А я помню чужие пуговицы и не помню лица мальчишки. Плохая у меня память, если честно. Выбирает сама, что оставить.

— Вы потом её искали?

— Искала. Спросила у хлебницы. Та сказала, что таких женщин много и надо было раньше думать. Тоже права была, зараза. — Агата тронула мешок носком ботинка. — Вот с тех пор у меня камни. Не сразу, конечно. Сперва просто собирала, когда не знала, куда руки деть. Потом стала писать на них то, что забывать нельзя.

— Значит, на этом про ту женщину?

— Нет. На этом про другое. Видишь, как всё перепутано? Одно слово, а историй на него сто. Камень маленький, все не уместятся.

Митя повернул его обратно к свету. Буквы были неровные: первая упиралась в белую прожилку, последняя почти уходила за край.

— Тогда зачем писать одно?

— Чтобы хотя бы оно осталось. А остальное кто-нибудь спросит. Например, ты.

Ей захотелось добавить что-нибудь красивое, пояснить про память и долг, но в голову полезли только готовые слова из проповедей. Она с досадой подёрнула мешок за верёвку и почувствовала, как лямка режет плечо. Митя предложил помочь. Агата отказалась, потом увидела, что мальчик не может поднять тяжесть, но способен нести хотя бы три камня в кармане.

— Давай вот эти, — сказала она. — До двери донесёшь. А там отдашь. Только не потеряй.

Он взял камни один за другим, осторожно. На одном было «ДОМОЙ», на другом — «ТЕПЛО», на третьем — затёртая буква, которую не удалось разобрать. Митя спросил, что написано на последнем. Агата пожала плечами.

— Может, хозяин лучше помнит. Я уже нет.

Так они прошли по холодному храму к двери: старуха с мешком и мальчик с тремя камнями, которые стучали в кармане о металлическую пуговицу. Смотритель на пороге ещё не появился. Возле выхода пахло хлебом из соседней пекарни, и Митя вдруг сказал, что хочет есть. Агата ответила, что тоже. Они помолчали, словно это было нечто чрезвычайное, потом рассмеялись. Смеялись негромко, прикрыв рты, но Агата успела почувствовать в горле старый, давно забытый звук.

Из-за двери появился худой мужчина в сером пальто. На груди у него был круглый жетон Смотрителя Тишины. Он не вошёл сразу, а остановился на пороге. Его взгляд задержался на камне, затем на Мите.

Агата узнала Тихона. Он тоже узнал её, но не подал вида.

— Пора в школу, — сказала она мальчику.

Митя сунул шнурок в ботинок и побежал к выходу. Уже за дверью он обернулся и махнул ей рукой.

Тихон посторонился, пропуская ребёнка.

Агата стала собирать камни. Один выкатился из мешка и покатился к ступеньке. Она потянулась за ним, но Тихон оказался ближе и поднял.

— Вы обронили, — сказал он.

На камне было выцарапано слово «ПОЧЕМУ».

Тихон несколько секунд держал его на ладони, потом вернул Агате.

— Тяжёлые у вас вещи.

— Старые, — ответила она.

— Их можно оставить дома.

— Можно.

— И всё-таки вы носите.

— Да.

Он кивнул, будто занёс её ответ в невидимый журнал.

— Берегите плечи, Агата.

Она поправила мешок.

— А ты береги то, что у тебя ещё не отняли.

Тихон ничего не ответил. Его молчание было особенным, профессиональным: оно словно оставляло собеседника одного с собственными словами, пока те не становились ему стыдны.

Но Агате не стало стыдно.

Она вышла из церкви и направилась к дому. На мостовой валялась маленькая белая гайка — возможно, с чьей-то повозки. Агата нагнулась и подняла её, не зная зачем. К камням она не подходила, но выбросить гайку почему-то не захотелось.

За спиной тихо скрипнула церковная дверь.

Внутри отец Климент всё ещё смотрел на свои руки.

— ⁂ —

«Не проси разрешения на память».

Глава 3. Тонкая привычка

Тихон умел ждать лучше других.

В управлении это считалось талантом. Некоторые смотрители обладали красивым почерком, некоторые запоминали имена, а один, по слухам, мог узнать просителя по одному только кашлю. Тихон обладал редким даром: рядом с ним люди переставали говорить.

Не сразу. Вначале они пытались объясниться. Потом сердились, жаловались на голод, на боль, на неверно рассчитанные талоны. Некоторые плакали. Тихон стоял рядом, не перебивая и не поднимая глаз от точки чуть выше их плеча. Время делало остальное.

Его не учили угрозам. Угрозы предполагали, что человек ещё чего-то хочет и его можно напугать потерей желаемого. Хороший смотритель не отнимал надежду. Он давал ей утомиться.

В тот день к нему привели мужчину с полотенцем, обмотанным вокруг кисти.

— Он кричал у третьего распределителя, — сообщил дежурный. — Требовал открыть кран.

— Я не требовал, — возразил мужчина. — Там пожар. Деревянный сарай за насосной. Дым идёт прямо на детскую площадку. Я просил ведро воды.

— Говорил громко, — уточнил дежурный.

— Потому что они меня не слышали.

Тихон посмотрел на полотенце. Сквозь ткань проступала ржаво-коричневая влага.

— Что с рукой?

— Обжёг. Я дверь выломал. Там мальчишка прятался.

— Мальчик жив?

— Да. Не в этом дело. Там ещё огонь. Если воду не дадут, сарай перекинется на склады.

Тихон открыл журнал и нашёл пустую страницу.

— Ваше имя?

— Павел. Послушайте, может, сначала потушить, а потом уже записывать?

В дверях дежурный издал короткий одобрительный смешок. Тихон не улыбнулся. Он положил журнал на колени, повернул к мужчине часы и начал процедуру.

Павел говорил ещё восемь минут. Сперва быстро, затем всё медленнее. Он объяснял, где именно находится сарай, сколько в нём сухих досок, как давно заперт распределительный вентиль. Дважды попросил вызвать пожарную бригаду. Тихон слушал. Когда Павел замолк, смотритель не произнёс ни слова.

Через некоторое время мужчина сел. Ещё через некоторое — опустил обожжённую руку на колени. Растерянно оглядел кабинет, будто только теперь заметил серые стены и окно, открывающееся в кирпичный колодец.

— Что мне нужно сказать? — спросил он наконец.

Тихон подвинул к нему формуляр.

На бланке было напечатано: «Предложение по углублению терпения». Ниже оставлялось место для подробностей. В конце требовалось указать, что податель благодарен за возможность быть выслушанным.

Павел попробовал взять перо. Пальцы не слушались.

— Я не могу писать.

Тихон впервые за всю процедуру посмотрел ему прямо в глаза.

— Тогда приходите, когда сможете.

Павел кивнул. Он уже не сердился. Он выглядел человеком, который упустил что-то важное, но не мог вспомнить что именно.

Когда его вывели, Тихон ещё долго смотрел на пустое место в графе «Содержание обращения». Вечером из окна управления он увидел над крышами чёрный дым. Труба, откуда он поднимался, была слишком низкой для заводской.

Он мог бы спросить, сгорел ли сарай. Но вопрос не входил в обязанности.

⁂

В служебном расписании Тихона существовали три вида молчания. Первое — подготовительное: человеку давали возможность самому убедиться, что его просьба звучит неуместно. Второе — корректирующее: смотритель присутствовал рядом, пока просьба не иссякала. Третье — закрепляющее: уже после отказа на просьбу не реагировали даже близкие.

Третье молчание он считал самым действенным и никогда не употреблял его дома.

Правда, дома говорить было почти не с кем.

На подоконнике стояла чашка со сколотой ручкой. Жена подарила её ему на десятую годовщину свадьбы и ушла через четыре месяца — не к другому человеку, не в Громкие страны, а в поселение на севере, где требовались работники по ремонту водосборников. Разрешение на перевод ей дали спустя одиннадцать месяцев после отъезда. В управлении это признали не нарушением, а преждевременным исполнением полезной инициативы.

В первом письме она написала: «Здесь люди иногда спорят, и от этого вода течёт лучше». Во втором попросила прислать фотографии старого двора. Тихон отправил ей одобренную почтовую карточку с видом Площади Одобрения.

Больше писем не было.

Он не считал себя оставленным. Для этого пришлось бы признать, что ему чего-то недоставало.

Свой дом Тихон называл квартирой только при посторонних. Про себя — помещением. В служебных бумагах помещения полагалось содержать в состоянии, исключающем непредусмотренные препятствия. Он и содержал. Две ложки лежали в ящике ручками в одну сторону; третью, с погнутым краем, он хранил отдельно — «для работ, не связанных с приёмом пищи». На дверце шкафа изнутри была приклеена ведомость с названиями полок. Верхняя — сезонное. Средняя — повседневное. Нижняя — подлежащее проверке. Последняя вечно оставалась пустой. Проверить себя было некому.

Утром он вставал ровно в пять сорок. Не по будильнику: будильник сломался ещё прошлой зимой, и новый разрешили получить только после подтверждения, что старый восстановлению не подлежит. Проверку перенесли, когда мастерскую передали Министерству Малых Радостей. Тихон уже привык открывать глаза за минуту до нужного времени. Из окна он видел квадрат двора, зажатый четырьмя стенами. Внизу стояла мусорная урна со сломанной крышкой; возле неё лежала бурая снеговая корка, хотя на соседней улице снег давно растаял. В этот колодец солнце заглядывало один раз в день, зимой — вообще не заглядывало. Если на кирпиче проступала яркая полоска, Тихон понимал: он проспал. Такого не случалось.

Кирпичи когда-то были красными. Теперь по ним ползли белёсые пятна соли. В дождь оттуда пахло старой известью и мокрым бельём. За сорок лет во дворе не появилось ни дерева, ни скамейки. Дерево потребовало бы обоснования посадки, скамейка — определения времени сидения. Соседи обходились порогами и подоконниками.

Тихон кипятил воду не до свистка: чайник, издающий сигнал без утверждённой необходимости, мог быть признан технически раздражительным. Он ставил его на слабый огонь и наблюдал за поверхностью. Сначала на дне рождались крошечные пузырьки, потом они отделялись, поднимались, исчезали. При первых больших пузырях он выключал газ. Чай в Республике числился чуждой привычкой и в обычных лавках не продавался; у Тихона оставалась бумажная коробочка сушёной мяты. Он бросал в чашку три листика, иногда четыре, если впереди ожидался трудный день. Так выглядела его тайная роскошь.

В тот раз мята пахла пылью. Он размял лист пальцем и снова опустил в воду. На поверхности осталась тёмная соринка. Тихон выловил её ложкой, вытер ложку, аккуратно сложил бумажную салфетку уголок к уголку. Чашку поставил на кружок чистого стола. Подождал, пока напиток станет допустимо тёплым. Сделал глоток. Горечи почти не было — одна горячая вода. Он пил её и смотрел, как в окне напротив женщина развешивает мужские рубахи. Одну рукавом зажало в форточке. Женщина тянула, тянула, наконец дёрнула, и с улицы послышался треск ткани. Тихон непроизвольно поднялся. Почти подошёл к двери. Но какой раздел правил позволял ему вмешаться в чужую стирку? Он сел обратно.

В управлении за такой день он получил бы похвалу: сумел избежать ненужной инициативы.

В выходной, когда в служебном журнале напротив его имени значилось «восстановление готовности», Тихон решил разобрать кладовку. Это была не потребность, а попытка найти занятие на семь часов, отпущенных для домашнего покоя. Он вытащил из темноты чемодан жены. Крышка держалась на одной застёжке. Внутри лежали женские перчатки, платок, маленькая картонная коробка с бусинами и два красных карандаша. Один был обкусан до дерева. Жена работала учительницей рисования, пока предмет не сократили до «правильного расположения предметов на листе». Она продолжала брать домой карандаши. Иногда сидела за столом и рисовала двор, каким его хотела видеть: дерево, узкую дорожку, голубую скамью, мальчика у качелей. Тихон тогда сказал, что качели шумят и на северной стороне дома им не будет достаточно света. Она ничего не ответила, только стёрла мальчика.

Теперь он нашёл рисунок на обороте ведомости. Белый лист пожелтел, а дерево всё ещё стояло зелёное, нелепое, пышное. Рядом карандашом были отмечены две маленькие фигуры. Не мальчик: он различил два взрослых силуэта. Он сам и жена, если догадаться по пальто. Они сидели на скамейке. Не стояли, не ждали, не выполняли никакого дела. Просто сидели. Самого себя Тихон узнал с трудом — на рисунке его рот был открыт, будто он что-то рассказывал.

Он хотел убрать лист на нижнюю полку, туда, где вещи подлежали проверке. Потом понял: проверить здесь было нечего. Жена рисовала не то, что существовало, а то, чего ей не хватало. На такой рисунок не выдавали ни разрешения, ни отказа.

— Глупости, — сказал Тихон вслух, и слово прозвучало слишком громко.

Он оглянулся на дверь. В квартире раздался короткий деревянный стук: сосед сверху уронил табурет. Следом другой стук, три шага, сердитое бормотание. Ничего опасного. Тихон всё равно подождал. Ему хотелось, чтобы за стеной снова стало тихо. Хотелось до боли в затылке; он даже обиделся на незнакомого соседа за то, что тот заставил его чувствовать.

Когда он складывал чемодан, из-под подкладки выскользнул железный ключ. Маленький, с круглым ушком. Не от входной двери, не от шкафа. Он обошёл квартиру, примеряя ключ ко всему, что могло запираться, и ни разу не попал. На ключ было намотано несколько витков синей нити. Такой же ниткой жена зашивала край своей рабочей сумки.

Тихон сел на пол между открытыми полками. От пыли защекотало в носу. Чихнуть он себе позволил, но кашлянул сдержанно, прикрывая рот рукавом. Внезапно захотелось плакать. Без причины, которую можно указать в формуляре: никто не умер, ничего не украли, ключ нашёлся. Он просидел так долго. Потом встал и составил список вещей, обнаруженных при уборке. Перчатки — одна пара. Платок — один. Карандаши — два. Ключ — один, назначение не установлено. Рисунок он в список не включил.

Ночью во дворе завыла кошка. Ей отвечала другая, из дальнего подъезда. Тихон лёг на спину, расправил одеяло по шву и почти беззвучно произнёс то, чего не сказал жене на платформе:

— Ты бы хоть адрес оставила. Нормальный, куда писать.

Ему сразу стало стыдно. Адрес она оставляла. Он отправил открытку вместо фотографии. Это он не нашёл слов. Точнее, нашёл все слова, кроме нужных. За долгие годы разучился

врать себе только в одном: помнил, как жена смотрела на него из окна вагона, пока он проверял, правильно ли прикреплена бирка к её чемодану.

Утром он повесил рисунок на внутреннюю сторону дверцы шкафа. Так, чтобы никто не увидел. Записывая домашние расходы, каждый раз замечал тонкую голубую скамью. У самой ножки на картинке жена оставила белое пятно: красный карандаш туда не дошёл. Тихон взял огрызок карандаша, подержал над листом — и не решился закрасить. Чужое незаконченное дело было не его работой.

Так он жил до падения Стола: в комнате, где ничего не менялось местами, и с ключом от двери, которой давно уже не было.

В тот вечер он снял пальто, повесил жетон на гвоздик у двери и поставил чайник на плиту. Воды было немного. Капля за каплей собиралась в носике крана, пока ему не удалось наполнить чашку. Тихон смотрел на капли с профессиональным терпением. Потом услышал резкий удар где-то в трубах и вздрогнул.

Вспомнился Павел. Его обожжённая рука. Полотенце. Слова «там мальчишка».

Тихон налил горячую воду в чашку и случайно попал на палец. Боль была пустяковой, но он дёрнул рукой и выругался. Не громко — одно короткое слово, которое его мать произносила, когда рассыпала соль.

Он немедленно огляделся.

Никого.

Странно было испугаться собственной кухни. Ещё страннее — почувствовать облегчение от того, что никто не слышал.

До полуночи Тихон сидел за столом и смотрел на палец. Кожа слегка покраснела. Павел, наверное, не мог даже расстегнуть рубашку. Если ему не оказали помощь, завтра начнётся воспаление. Врач примет без очереди при угрозе жизни; ожог руки не всегда считался угрозой жизни. Требовалось заключение. Заключение выдавали после осмотра.

Тихон знал порядок.

Тихон знал его так хорошо, что не смог заснуть.

⁂

Наутро начальница отдела вызвала его до начала смены. Она носила неизменно аккуратный воротничок и очки на тонкой цепочке. На стене позади неё висело изречение первого председателя Республики: «Тому, кто умеет ждать, не нужен враг».

— У нас ребёнок, — сказала начальница.

Тихон молча принял папку.

— Десять лет. Сын держащего. Учится в школе Одобренного слова. Повторные несанкционированные вопросы, интерес к устройству часов, неправильные формулировки на уроках. Вчера беседовал с Агатой.

— С хранительницей камней?

— Именно. Ничего криминального. Вреднее. Ребёнок соединяет предметы и выводы, которые должны оставаться раздельными.

Она открыла папку. Вверху лежал тонкий лист с учительским почерком: «На вопрос „Почему мы должны ждать?“ отвечает вопросом „Кому от этого лучше?“».

— И что от меня требуется?

Начальница подняла взгляд.

— Присутствие. Без нажима. Пусть привыкнет к тому, что вопросы остаются без продолжения. Вы справляетесь с этим лучше всех.

— Сколько дней?

— До результата.

Тихон закрыл папку. Ему не нравились задания без срока: они делали жизнь вязкой, будто время загустевало. Но он не стал уточнять.

— А тот человек со вчерашнего дня? — спросил он неожиданно.

— Какой?

— Павел. Ожог кисти. У распределителя.

Начальница поднесла к глазам другой документ.

— Запрос закрыт. Заявитель отказался от продолжения обращения.

— Он не мог писать.

— Значит, его телесное состояние само подсказало ему верное решение.

Она произнесла это тоном, каким сообщают о хорошей погоде. Тихон почувствовал, что не может заставить себя кивнуть.

— Вам нехорошо?

— Нет. Спасибо.

— Отдохните пять минут перед заданием. Кажется, вы переутомились от чужих переживаний.

Тихон встал. Папка Мити была лёгкой, всего четыре страницы. И всё же он нёс её двумя руками.

⁂

Школа располагалась в старом кирпичном здании, где прежде, судя по высоким окнам, учили рисовать. Теперь окна разделили тонкими перегородками. Свет падал в классы узкими полосами, чтобы дети не отвлекались на улицу.

Тихон пришёл в обеденный перерыв. Во дворе не бегали и не кричали. Дети стояли небольшими группами: по пять человек у клумбы, по четыре у скамейки. На клумбе росли пластиковые цветы. Настоящие требовали ухода, а запрос на полив был ещё не согласован.

Он увидел Митю у ограды. Мальчик просунул между прутьями руку и пытался достать из водостока что-то маленькое. Рядом стояла девочка с прямой спиной и смотрела на него с таким сосредоточением, будто он совершал хирургическую операцию.

— Дальше, — сказал мальчик. — Ещё чуть-чуть.

— Не достать, — ответила девочка.

— Это мы ещё не проверили.

Митя лёг животом на низкую каменную кромку, вытянул руку и вытащил из грязи металлический кружок. На кружке оставалась половина зубчатого края.

— Нашёл!

Девочка вздрогнула от его голоса и огляделась.

— Тише. Нас запишут.

— За что? За то, что я нашёл вещь?

— За радость без назначенного дня.

Митя разжал пальцы. Кружок оказался ржавым и никому не нужным.

— Тогда я не радуюсь, — сказал он деловито. — Я изучаю.

Тихон подошёл ближе. Девочка заметила жетон первой и сразу вытянулась, сложив ладони перед собой.

— Добрый день ожидания, — произнесла она.

Митя поднял голову. На лице у него мелькнуло узнавание.

— Вы в церкви были.

— Был.

— Вы подняли камень Агаты.

— Поднял.

— Вы его прочитали?

Тихон опустил взгляд на ржавый кружок.

— Не имеет значения.

— Тогда зачем вы его разглядывали?

— Мне поручено присутствовать рядом с тобой некоторое время.

Митя подумал и кивнул.

— Хорошо. Только не заслоняйте свет. Тут зубцы мелкие.

Тихон не сразу понял, что ответить. За годы работы ему говорили многое, но никто ещё не просил его отойти, чтобы не мешать свету.

Он сделал шаг в сторону.

— Спасибо, — сказал мальчик.

Девочка у ограды перевела взгляд с одного на другого, как будто увидела ошибку в арифметическом примере и боялась её исправить.

— Тебя как зовут? — спросил Тихон.

— Митя. Вы же знаете.

— Знаю.

— А вас?

— Тихон.

— Это как «тихо»?

— Почти.

— А вы когда-нибудь кричали?

Вопрос застал его врасплох. Тихон подумал о жене, уезжавшей на север. О вагоне, в который он помог ей поднять чемодан. Ему тогда хотелось крикнуть: «Возвращайся». Он не крикнул. Подумал о Павле с обожжённой рукой. Тот кричал и спас мальчика. В памяти всплыл странный звук: собственное ругательство на кухне.

— Не помню, — сказал Тихон.

Митя оглядел его с любопытством.

— Может, в детстве?

— Наверное.

— А почему перестали?

Тихон не ответил.

Мальчик подождал. Потом снова начал очищать кружок ногтем. Прошло несколько минут. Во двор вышла учительница, позвала детей строиться на возвращение в класс. Девочка быстро пошла к остальным. Митя аккуратно завернул находку в бумагу.

— Можно ещё спросить? — сказал он.

Тихон уже приготовился выдержать положенную паузу.

— А если я не перестану спрашивать, что вы будете делать?

— Я буду ждать, — ответил смотритель.

— Сколько?

— Сколько понадобится.

— А если я не перестану никогда?

— Тогда я буду ждать всегда.

Митя задумался, и Тихон почти почувствовал привычное облегчение: молчание наконец достигло цели. Но мальчик неожиданно улыбнулся.

— Значит, у нас обоих будет много времени.

Он побежал в класс.

Тихон остался у ограды, держа папку. Рядом валялась мокрая ветка. Кто-то сломал её, чтобы достать вещь из водостока, а потом бросил. На конце ветки была зацеплена нитка голубой шерсти.

Время, подумал Тихон. Мальчик сказал это так, будто время — не наказание и не награда, а что-то, что можно потратить.

⁂

После уроков Тихон провожал Митю домой на расстоянии десяти шагов. Такое сопровождение называлось ненавязчивым. На практике оно было настолько заметным, что люди уступали им дорогу.

Митя шёл медленно. Он задерживался у каждого окна мастерской, где на виду лежали инструменты, заглядывал в щели заборов, пересчитывал мостовые камни. У лавки сломанных вещей остановился совсем.

В витрине стоял велосипед без переднего колеса.

— Его давно не чинят? — спросил он.

Тихон взглянул на магазин. На двери висела табличка: «Приём предложений временно приостановлен в связи с ожиданием нового порядка предложений».

— Не знаю.

— А можно починить?

— Я не мастер.

— Я тоже. Но если смотреть, как устроено…

Митя подошёл к стеклу. Поднял ладонь, не касаясь витрины, и обвёл пальцем цепь, педали, ось.

— Видите? Тут не всё сломано. Не хватает только колеса.

Тихон мысленно поправил его: не «только», а «целого». Потом заметил в глубине магазина ещё один велосипед с погнутой рамой, но целым передним колесом. Прежде он бы не сложил эти две вещи в одну мысль. Не имел права. Не было задания.

— Вон там, — сказал он.

Митя обернулся.

— Где?

Тихон указал на второй велосипед.

— Колесо.

Мальчик прищурился. Потом его лицо осветилось таким быстрым счастьем, что смотритель невольно отвёл глаза.

— Точно! — сказал Митя. — А если переставить…

Из-за угла появился учительский помощник. Увидев жетон, он замедлил шаг. Митя сразу замолчал.

До дома они дошли без разговора.

У дверей мальчик остановился.

— Спасибо за колесо.

— Я ничего не сделал.

— Вы показали.

Тихон открыл рот, чтобы возразить. Но Митя уже исчез в подъезде, а из окна второго этажа донёсся знакомый металлический стук.

Тук. Тук-тук. Пауза. Тук.

Тихон вышел на улицу и вдруг обнаружил, что идёт не к управлению. Он шёл к третьему распределителю, где вчера кричал Павел. Объяснения у него не было. В отчёт такую прогулку не впишешь.

Сарай за насосной сгорел почти до основания. Пахло мокрым углём и обугленным деревом. На земле лежали два ведра. Одно было смято, как бумага. На соседнем складе осталась широкая чёрная полоса: огонь добрался сюда, но дальше не пошёл.

У стены сидел мальчик лет семи и делал из щепок маленький дом. На его руке был бинт.

— Ты здесь вчера был? — спросил Тихон.

Мальчик кивнул.

— Дядя вытащил.

— Где он?

Мальчик показал на деревянную дверь насосной.

Тихон постучал. За дверью закашлялись.

— Войдите, если согласовано.

Внутри, на стуле, сидел Павел. Рука его распухла. Полотенце сменили на старую наволочку. На столе стояла миска с водой; рядом лежали ножницы, бинт и кусок мыла.

Павел узнал смотрителя. Поднялся было, но не смог.

— Вы за подписью? — спросил он без злости.

— Нет.

— Тогда за чем?

Тихон посмотрел на руку и на грязную миску.

— Не знаю, — признался он.

Павел медленно сел обратно.

Тихон перевернул пустое ведро и устроился рядом. Они молчали. По привычке он смотрел чуть выше Павлова плеча. Но теперь молчание было не способом усмирить человека, а пустым местом, которое надо было чем-то заполнить.

Он не умел перевязывать раны. Не умел открывать распределитель. Не мог даже придумать, что сказать.

— Врач приходил? — спросил он наконец.

— Отложили до утверждения направления.

— Понятно.

Тихон посмотрел на бинт.

— Где ближайший врач, который не ждёт направления?

Павел горько улыбнулся.

— В сказке.

Смотритель не улыбнулся в ответ. Он встал, взял со стола чистую полоску ткани и осторожно положил рядом с миской.

— Я узнаю, — сказал он.

— Что узнаете?

Тихон остановился в дверях.

Он мог ответить: порядок обращения. Но впервые эти слова показались ему не просто бесполезными, а постыдными.

— Кто умеет лечить ожоги, — сказал он.

На улице сгущались сумерки. Была пора завершать рабочий день, отмечать присутствие и возвращаться к пустой чашке. Тихон пошёл в сторону больницы. Несколько раз ему хотелось остановиться и дождаться распоряжения.

В управлении Тихон продолжал вести маленький календарь действий, которые не входили в обязанности. Он не называл его так. На последней странице служебной тетради, между таблицами приёмов, появлялись короткие строки: «Окно в коридоре не закрывается. Стекло дребезжит. Сообщил». «Бумаги на полу возле лестницы. Поднял». «У Павла ожог. Спросить о враче». Он зачёркивал последнюю строчку и писал заново, потому что врач к Павлу так и не пришёл. Пометку нельзя было считать выполненной.

Один раз начальница отдела увидела тетрадь и сказала, что личные наблюдения должны храниться отдельно от служебных документов. Тихон послушно закрыл обложку. Он уже научился держать собственные вопросы при себе и даже не рассердился. После обеда сам отнёс тетрадь к архивному шкафу — так полагалось поступать с посторонними материалами. Но перед тем как открыть шкаф, остановился. Внутри стояли десятки папок с такими же аккуратными строчками. Люди там существовали только как поводы для записей.

Он вернулся к столу, вырвал страницу и сложил вчетверо. Спрятал во внутренний карман пиджака. Впервые за годы службы взял с собой домой не служебную вещь, а собственное невыполненное дело.

Вечером он прочитал строчку о Павле при свете единственной лампы. Бумага пропахла канцелярской пылью, край размок от дождя. Тихон попробовал написать ниже: «Надо помочь». Остановился. В управлении слово «надо» всегда подразумевало чью-то обязанность, которую можно передать дальше. Он зачеркнул его и вывел: «Пойду сам». Долго смотрел на запись. Завтра ему могли не разрешить покинуть кабинет. Могли наказать за самовольный визит. Он никак не мог понять, почему одна короткая строка пугает сильнее сотни чужих криков.

Он шёл дальше.

В кармане пальто лежала папка с именем мальчика, который не собирался прекращать спрашивать.

А на языке у Тихона всё время вертелся другой вопрос — самый неудобный из всех, что ему доводилось слышать.

Почему я не пришёл вчера?

Глава 4. Сбой календаря

На школьной доске было написано: «ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ ЕЩЁ ОЖИДАНИЯ».

Ниже учительница Елизавета Семёновна вывела вопрос: «Какое чувство следует испытать гражданину, получившему отказ?»

Дети сидели ровно. На партах у них лежали одинаковые тетради, серые карандаши и листки допустимых ответов. В списке значились: благодарность, облегчение, спокойствие, доверие. Раздражения не было. Его проходили на уроках истории как отжившее чувство Громких лет.

— Благодарность, — сказала девочка с первой парты.

— Хорошо, — ответила учительница. — За что именно?

— За то, что его предложение рассмотрено.

— А если не рассмотрено?

— За то, что его пока не рассмотрели и ему дали возможность углубить терпение.

— Прекрасно.

Митя поднял руку.

Учительница старалась не смотреть в его сторону. Он поднимал руку не как остальные — быстро, без предварительного разрешающего взгляда. От такой руки можно было ожидать чего угодно.

— Дмитрий, мы повторяем пройденное.

— Я знаю. Можно про календарь?

— Календарь будет после правильной реакции на отказ.

— Но ведь четвёртый день ещё ожидания — это четверг?

Несколько детей опустили головы. Кто-то зашуршал тетрадью. Елизавета Семёновна замерла.

— Старое название не используется, — сказала она. — Оно относится к периоду неустойчивых общественных ожиданий.

— А среда?

— Что — среда?

— Почему среда не называется среда? Ведь раньше это была середина недели. Середина ведь не исчезла.

Учительница сложила мел на полочку.

— Дмитрий, названия дней установлены законом. Закон существует для облегчения взаимного понимания.

— Тогда почему, когда я говорю «четвёртый день ещё ожидания», никто не знает, сколько осталось до выходного?

В заднем ряду кто-то тихо фыркнул. Это был Лёша — четырнадцатилетний ученик, которого перевели в младший класс после трёх лет коррекционного обучения. Он почти не разговаривал и на всякий вопрос отвечал «как будет одобрено». Сейчас ему, кажется, стало смешно, но он тут же прикрыл рот.

Елизавета Семёновна посмотрела на настенные часы. Их стрелки стояли на десяти минутах после девяти. Часы не шли с прошлого месяца, потому что заявка на замену батареи ожидала подтверждения. Каждое утро дети смотрели на них и учились не зависеть от измерения времени.

— У нас нет выходного, — сказала она. — У нас есть день отдыха в ожидании, который наступает согласно расписанию.

— А когда?

— После положенных дней.

— Сколько их?

Учительница побледнела.

Митя не собирался её пугать. Ему действительно нужно было знать. Отец обещал в день отдыха достать инструменты и вместе разобрать старые часы, найденные у соседей. Если не было ни среды, ни четверга, ни воскресенья, мальчику хотелось хотя бы узнать, когда начинать.

— Возьми листок, — сказала Елизавета Семёновна.

Она подала ему упражнение по переводу нежелательных высказываний.

«Я хочу пить» следовало заменить на «Я готов принять воду при наличии возможности». «Мне больно» превращалось в «Я испытываю временную трудность, способствующую развитию терпения». «Почему мне отказали?» — в «Благодарю за обстоятельства, предоставившие мне дополнительное время для осмысления».

Митя прочёл первое предложение и поднял глаза.

— А если человек очень хочет пить?

— Он использует правильную формулировку.

— Но вода от этого не появится.

В классе стало так тихо, что за окном послышалась дребезжащая телега. Учительница бросила взгляд на дверь. Там стоял худой настройщик с аккуратно подстриженной бородкой и узкой кожаной папкой под мышкой.

Митя узнал человека, которого видел прежде в школьном коридоре. Он всегда здоровался так тихо, что дети отвечали шёпотом. Никто не помнил, чтобы он повышал голос.

— Продолжайте урок, — сказал настройщик.

Елизавета Семёновна выпрямилась.

— Мы работаем над точностью выражений.

— Я слышал.

Он подошёл к доске и взял мел. Написал: «ХОТЕНИЕ — ДОЛГ».

— Дети, — произнёс он, — вообразите, что вы просите мир дать вам что-то. Воду, игрушку, красивый день. У мира ограниченные возможности. Каждое ваше желание — это долг, который кто-то должен выплатить. Вы требуете, а кто-то страдает от вашего требования. Кто-то должен добыть воду, изготовить игрушку, устроить вам удовольствие. Вот почему воспитанный человек учится не желать.

Он говорил негромко и ровно. Некоторым детям становилось спокойно от этого голоса. Ничего не хотеть было удобно: тогда никто не мог обвинить тебя в том, что ты чего-нибудь не получил.

— А если я хочу, чтобы друг не болел? — спросил Митя.

Настройщик положил мел.

— Это добрая мысль. Но её нужно доверить специалистам.

— А если я могу принести ему воды?

— Ты должен ждать просьбы, подтверждённой взрослыми.

— А если он без сознания?

На этот раз настройщик замолчал чуть дольше, чем обычно. Сначала его лицо ничего не выражало. Потом он посмотрел на учительницу.

— Дмитрию требуется индивидуальная беседа.

Митя с сожалением опустил карандаш. Он так и не заполнил упражнение.

⁂

В комнате бесед было слишком тепло. На столе стоял пластиковый цветок, такой же, как во дворе. Он изображал ромашку, но лепестков у него было одиннадцать, и два росли из одной точки.

Настройщик сел напротив. Между ними лежал лист бумаги, совершенно чистый.

— Что ты знаешь о желаниях? — спросил он.

— Бывают большие и маленькие.

— Например?

— Большое — чтобы войны больше не было. Маленькое — чтобы у будильника не отваливалась стрелка.

— Разница не только в размере. Большое желание может причинить большой вред. Маленькое — небольшой.

— А если желание хорошее?

— Хорошим оно становится после одобрения.

Митя посмотрел на цветок.

— А этот настоящий?

— Он соответствует утверждённому образцу.

— Но он не растёт.

— Ему не нужно.

— Тогда зачем он здесь?

Настройщик не ответил.

За дверью шаркали подошвы. Где-то далеко проскрипела мелодия школьного гимна — кто-то пытался настроить инструмент и всё время сбивался на одну и ту же ноту.

— Я хочу тебе помочь, — сказал настройщик.

Митя удивился.

— Вы только что сказали, что хотеть нельзя.

Мужчина поправил папку, хотя она лежала ровно.

— Я использовал привычный оборот речи. Правильнее сказать: мне поручено содействовать твоему исправлению.

— Вам поручили, а мне нет. Почему я должен исправляться?

Настройщик посмотрел на часы. Стрелка секундомера двигалась бесшумно. Митя видел механизм сквозь стеклянную крышку. Он подумал, что часам внутри неинтересно, кому поручено исправление, и почему-то захотелось рассмеяться.

Но мужчина напротив выглядел очень усталым.

— Как вас зовут? — спросил мальчик.

— Ты знаешь, кто я.

— Это должность.

— Должности достаточно.

— А мама как вас зовёт?

Мужчина резко поднял голову.

На миг ему показалось, что мальчик знает что-то недозволенное. Но в детском лице не было ни насмешки, ни ловушки. Вопрос был простым. Настолько простым, что оказалось трудно на него ответить.

— У меня нет матери, — сказал он наконец.

— Она умерла?

Настройщик кивнул.

— Жалко.

Он не ожидал услышать это слово. В школе учили говорить «выражаю одобренное сочувствие утрате». «Жалко» звучало грубо, без разрешения, но почему-то точнее.

— Она звала меня Севой, — произнёс он.

Митя повторил:

— Сева.

И замолчал.

Впервые за утро тишина не требовала от него признания вины. Он просто сидел, перебирая в памяти, сколько ещё вещей можно было бы спросить у взрослого, который когда-то тоже был ребёнком.

Настройщик отвёл взгляд к окну.

— Мы не будем возвращаться к этому разговору, — сказал он.

— Хорошо.

— Я записал, что ты осознал необходимость контроля речи.

Митя посмотрел на чистый лист.

— Но вы ничего не записали.

Сева взял перо. Кончик несколько раз скользнул по бумаге, оставляя маленькую чёрную точку.

— Теперь записал.

Митя увидел, что написано всего одно слово: «Наблюдение».

⁂

Когда мальчик вернулся в класс, урок уже закончился. У доски стоял Лёша и старательно стирал надпись «ХОТЕНИЕ — ДОЛГ». Ладонь у него была вся в меловой пыли.

— Дай я, — предложил Митя.

— Мне поручили.

— Я не отнимаю. Вместе быстрее.

Лёша не шевельнулся.

— Нельзя вместе, если одному поручили.

Митя подумал, что это неправда, но спорить не стал. Он поднял с пола упавший мел и положил на полочку.

Лёша продолжал тереть доску. На ней остался белёсый прямоугольник, похожий на пустое окно.

— Ты чего спрашивал про середину? — произнёс он неожиданно.

— Про среду?

— Да.

— Я хотел знать, когда выходной.

— А я думал, ты знаешь старый календарь.

— Частично. Папа помнит «воскресенье». Бабушка Агата знает остальные.

— А я помню «пятницу», — сказал Лёша почти шёпотом. — Так мой дед называл день, когда ему платили на заводе. Он по пятницам приносил домой яблоки.

Митя замер.

— Он сам выбирал, какие?

— Наверное. Не знаю.

— Представляешь, пойти и выбрать яблоко?

Лёша смотрел на него так, будто тот предложил подняться на крышу министерства и крикнуть в трубу.

— В магазине есть утверждённые сорта.

— Но среди них можно выбрать?

Лёша пожал плечами.

— Мне всё равно.

Митя впервые заметил, как часто старшие дети говорят «всё равно». Они произносили эти слова вместо «не знаю», «не хочу», «боюсь», «может быть». Можно было прожить целый день, и ни разу не употребить другого ответа.

— А если тебе дадут сломанные часы, ты будешь их чинить? — спросил Митя.

— Зачем?

— Чтобы шли.

Лёша подумал.

— Если поручат.

— А если нет?

Он уже хотел сказать «всё равно», но вдруг перевёл взгляд на остановившиеся классные часы.

— Они ведь не показывают время, — произнёс он.

— Вот именно.

— А где взять батарею?

Митя приблизился к нему.

— Сначала посмотрим, точно ли там батарея.

Они оба подняли головы. На большой белой стене висели часы с круглым лицом и двумя мёртвыми стрелками. Под ними оставалось бледное пятно от надписи о долге.

Лёша медленно улыбнулся. Это была едва заметная, неловкая улыбка, будто мышцы лица вспоминали давно забытое движение.

— Они могут быть заводные, — сказал он.

— Могут.

В коридоре послышались шаги. Мальчики отошли друг от друга. Лёша продолжил стирать доску. Митя сел за парту.

Но теперь у них было общее дело, о котором никто не просил.

⁂

К вечеру в городском управлении получили школьный отчёт: «Ученик Дмитрий проявляет устойчивое стремление к самостоятельному толкованию временных категорий. Сопровождающий смотритель присутствовал в пределах установленного радиуса. Рекомендовано усилить наблюдение».

Тихон прочёл отчёт у стойки регистрации. Он пришёл туда после больницы, где так и не смог добиться выезда врача к Павлу. Зато медсестра показала ему, как промывают ожоги и когда необходимо немедленно обращаться за медицинской помощью. Она, кажется, была удивлена, что смотритель спрашивает не о порядке, а о лечении.

— Вы случайно не родственник больного? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему волнуетесь?

Он не нашёл ответа.

На улице моросил дождь. Тихон вернулся домой поздно и положил папку Мити на стол. Рядом лежала книга с правилами службы, которую он не открывал уже десять лет. Он отыскал нужную страницу: «Настройка достигается при прекращении спонтанной постановки вопросов».

Внизу была ещё одна фраза: «При наличии признаков сопротивления продлить период присутствия».

Тихон провёл пальцем по строчке. Потом представил мальчика у витрины, увидевшего целое колесо на сломанном велосипеде. Если тому запретить спрашивать, станет ли он похож на Лёшу? Или на Павла после восьми минут молчания? Или на самого Тихона, который всю жизнь видел две неисправные вещи и никогда не думал, что из них может получиться одна работающая?

Он закрыл книгу.

В квартире было очень тихо. На стене тикали исправные часы — единственное, что осталось от жены, кроме чашки. Тихон снял их с гвоздя, открыл заднюю крышку, посмотрел на крошечные зубчатые колёса и тут же испугался, что что-нибудь сломает.

Обычно этого было достаточно, чтобы прекратить.

Теперь он задержал пальцы на крышке.

«У нас обоих будет много времени», — сказал Митя.

Тихон поставил часы на стол и взял тонкую отвёртку.

Он не знал, как устроен механизм. Не знал, имеет ли право его касаться. И очень хорошо знал, как долго можно ждать, пока всё починит кто-то другой.

Первый винт поддался с неприятным скрипом.

Тихон испугался, улыбнулся — и продолжил.

Глава 5. Пустая очередь

В тот день очередь за водой закончилась раньше, чем вода.

Вернее, сначала все решили, что закончилась вода. На площади у третьего распределителя стояли сорок семь человек, и каждый держал в руках что-нибудь пустое: ведро, бидон, чайник, кастрюлю с оббитой эмалью. Впереди висела табличка «ВЫДАЧА ПО МЕРЕ ПОСТУПЛЕНИЯ». Под нею не было ни крана, ни окошка, ни человека, который мог бы объяснить, когда наступит это самое поступление.

Но очередь стояла исправно.

Первой ушла молодая женщина с младенцем. Она не объявила об уходе, не извинилась перед соседом и не попросила сохранить место. Просто прижала к груди ребёнка, подняла ведро и пошла через площадь. Люди провожали её глазами с таким изумлением, какое вызывают не преступления, а нарушения привычных законов природы.

— Может, ей разрешили? — спросил старик в шерстяном воротнике.

— Кто?

Старик не ответил. Слово «кто» оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал.

За женщиной ушли двое подростков. Они постояли рядом, не решаясь сдвинуться, а потом один сказал другому:

— Тут ничего нет.

— Здесь положено стоять.

— А там, возле моста, вода есть.

— Откуда знаешь?

— Я видел.

Он произнёс это без вызова, даже немного виновато. Но в очереди стало неспокойно. До сих пор личное наблюдение не считалось достаточным основанием для решения. И уж точно не перевешивало табличку.

Третий распределитель находился в низине. С него начинались почти все водопроводные линии окраин, и когда-то, ещё до Договора, здесь круглосуточно работали насосы. Сейчас один из насосов стоял за опечатанной дверью. Второй иногда включался по расписанию, которое никто не видел. Третий умер так давно, что вокруг его корпуса выросла трава.

Вчера ночью трубы под площадью ударили два раза. Сначала тихо, будто в стене переставили мебель, потом громко, с низким металлическим стоном. Утром в подвале дома Игната поднялась вода. В кухонном кране, наоборот, не было ни капли.

Марья осторожно повернула вентиль, подставила кружку и подождала. Кран вздохнул.

— Слышишь? — спросил Митя.

— Что?

— Он будто хочет что-то сказать.

— Не начинай с утра, — сказала Марья.

Это прозвучало резче, чем она собиралась. Митя посмотрел на неё и отвернулся. Она поспешила добавить:

— Вчера у тебя была школа, сегодня опять будут спрашивать. Нам бы воды добыть.

Игнат сидел на табурете и растирал правое плечо. За ночь боль не прошла, только переместилась: теперь ныла под ключицей, и от каждого движения казалось, что внутри за что-то цепляется крючок.

— Пойду к распределителю, — сказал он.

— Там очередь до самого рынка.

— Значит, встану.

Митя постучал по пустой кружке пальцем.

— Пап, а если труба лопнула, очередь её починит?

Игнат поднял глаза. Марья закрыла кран.

— Нет, — сказал он после паузы.

— Тогда зачем туда идти?

— Чтобы узнать, когда дадут воду.

— А если никто не знает?

Игнат хотел произнести привычное «не рассуждай». Оно уже приготовилось у него во рту, точно холодная крошка. Но он вспомнил, как мальчик стоял над разобранным будильником: не сердился на сломанный механизм, а искал, что в нём зацепилось.

— Тогда придётся искать того, кто знает, — сказал Игнат.

Митя удовлетворённо кивнул, словно они договорились о чём-то простом.

На улице пахло сырым железом. Под ногами блестели лужи, хотя дождя не было с позавчерашнего вечера. У стены пекарни вода сочилась между кирпичами и собиралась в маленькое грязное озеро. Люди обходили его по краю, стараясь не промочить ботинки. Чуть дальше, на площади, стояла очередь с пустыми вёдрами.

Игнат занял место за женщиной в зелёном платке. Она держала глубокий таз и каждые несколько минут переставляла его из руки в руку.

— Давно? — спросил Игнат.

— С рассвета.

— Выдавали?

— Нет.

— А кто-нибудь объяснял?

— Не положено объяснять отсутствие выдачи. Выдачу объясняют, когда она есть.

Женщина произнесла это так спокойно, что Игнат невольно посмотрел на неё внимательнее. Лицо у неё было усталое, но не злое. Может, подумал он, злость тоже требует воды.

Через час подошёл служащий в синем плаще. Не остановившись, прикрепил под табличкой новый лист: «В СВЯЗИ С ПОВЫШЕННОЙ ПОТРЕБНОСТЬЮ В ОЖИДАНИИ РЕКОМЕНДУЕТСЯ СОХРАНЯТЬ ПОЗИЦИИ».

Игнат прочёл дважды. Потом спросил:

— А вода?

Служащий отступил на полшага.

— Обращения принимаются в другом подразделении.

— Где?

— В центральном отделе предложений.

— Там есть вода?

Служащий растерянно посмотрел на его ведро.

— Там принимают обращения.

Игнат пропустил его. Он уже знал, как закончится разговор, и от этого стало стыдно: он мог бы сам отвечать теми же словами, не будучи никаким служащим.

К полудню появились первые люди с мокрыми сапогами. Они пришли со стороны старой набережной, взволнованные, с вёдрами, полными мутной воды.

— Река вышла? — спросил кто-то.

— Нет, под мостом прорвало большую трубу. Сначала чуть-чуть, теперь прямо бьёт.

— А что будет, когда кончится?

— Что кончится? Труба?

— Вода.

Мужчина с мокрыми сапогами открыл рот, но ничего не сказал. Он смотрел на очередь так, будто впервые увидел людей, которые предпочитают стоять перед пустой стеной, когда в двух кварталах вода льётся на землю.

Игнат тоже смотрел. Сорок лет назад горожанам объяснили, что свободный доступ к воде приводил к дракам, грабежам и войне. Распределение стало священным словом. Труба, из которой вода текла без разрешения, выглядела почти неприлично.

— Пойдёмте на мост, — предложил мокрый мужчина.

Никто не тронулся.

— Там ведь не одобрено, — тихо сказала женщина в зелёном платке.

— Что?

— Брать воду оттуда.

Мужчина опустил ведро.

— А тут одобрено?

Она посмотрела на пустую стену. Потом — на своё ведро. Поставила таз на землю, словно он внезапно стал тяжёлым.

Женщина с тазом первой сказала, что надо хотя бы не дать воде уйти в погреба. Она показала в сторону переулка, где вода уже текла между булыжниками и уносила солому из разбитого ящика.

— Давайте тряпками. Или землёй. Там люк, если его открыть, может, стечёт.

— Люк городской, — возразил старик. — Не наше дело.

— А погреб чей? Тоже городской?

Старик стиснул губы. Двое подростков побежали за лопатами. Кто-то крикнул, что сперва нужна ответственная группа. Сразу нашёлся ответственный — толстый мужчина из очереди за топливом. Он велел носить песок к стене. Люди послушались; только через пять минут увидели, что загородили водой единственный сухой проход к дому, где лежала больная женщина. Песок пришлось растаскивать обратно. Один мужчина схватился за чужое ведро, другой вцепился ему в рукав: без талона инвентарь не передают. Ведро упало, обдало обоих грязью.

— Да твою же… — начал первый и осёкся, увидев соседей.

— Договаривай, — неожиданно сказала женщина в платке. — Хуже уже не будет.

Он договорил. Шёпотом, зато целиком.

Игнат попытался раздать задания: двоих — к мешкам, троих — к погребу. В своей смене он никогда не спрашивал, удобна ли человеку другая рукоять, и сейчас ждал, что остальные сразу подставят плечи. Женщина со слабой ногой не могла таскать мешки; мальчишки не знали, откуда брать песок; один сосед заявил, что вообще не просился. За минуту Игнат пересорился с половиной помощников.

— Ну и стойте! — рявкнул он, чувствуя, как в горле застревает старая служебная команда. — Хотите, чтобы всё затопило?

— Мы и стоим, — сказал кто-то с такой усталой насмешкой, что Игнату стало нечего ответить.

Он увидел, как вода наливается в чужие сапоги, и понял: командовать людьми он умеет не лучше, чем договариваться с ними. Пока они спорили, намокшая картонная коробка с чьими-то книгами развалилась прямо посреди улицы. Страницы разошлись по потоку белыми, грязнеющими рыбами. Игнат нагнулся за одной и не успел ухватить.

За страницами бросились двое. Один успел выловить учебник с мокрой обложкой, второй схватил только оторванную тетрадную страницу. На ней синими чернилами были выведены семь имён. Кто-то кричал, что надо спасать бумаги, кто-то — что сначала погреб. Женщина в платке вдруг присела прямо в воду, зачерпнула ладонями мокрую бумагу и разрыдалась. Оказалось, книги принадлежали её соседке, умершей прошлой зимой. Она обещала передать их внучке, но всё откладывала: не было разрешения на вывоз имущества из квартиры умершего.

— Так тащи же! — крикнул Игнат. — Что ты сидишь?

Женщина подняла лицо.

— Куда?

Он оглянулся. Все места были мокрые: лавка, ступеньки, нижние полки витрины. Пришлось сначала расчистить стол у пекарни, поднять его на кирпичи, стащить оттуда мешки с мукой, прикрыть их брезентом. Только после этого нашлось сухое место для бумажного хлама. Книги разложили корешками вниз. Митя, который ещё не подошёл с Лёшей, потом сказал бы, что так сушить нельзя. Но сейчас никто не знал другого способа.

Затем открылась следующая неприятность: песок собирали в единственную уцелевшую брезентовую тележку, а проход к затопленному погребу был слишком узким. Мужчины пытались протащить тележку боком, она застряла между двумя стенами. Один человек велел толкать сильнее, другой — развернуть, третий заявил, что надо разобрать дверную раму. Спор разгорелся на пустом месте. Никто не хотел уступать не потому, что был упрямее соседей, а потому, что уступить означало признать: собственного решения мало.

Игнат подхватил короткую доску, вытащенную из размокшего ящика, и принялся поддевать колесо. Плечо сразу прострелило. Он всё равно потянул, в глазах потемнело, во рту появился кислый вкус. Кто-то сказал: «Пусть сильные работают». Игнат опустил лом. Ему сорок пять, а сильным он уже не был. Просто привык, что если держать подольше, люди перестают видеть твою дрожь.

— Всё, стоп, — сказал он, не повышая голоса. — Я не потяну. Кто-то другой. Нет, погодите, тоже не потянет. Надо выгрузить песок и пройти по одному ведру.

— Так полдня уйдёт!

— А мы уже сколько возимся?

Мужчина у стены поджал губы. Женщина в платке отнесла первое ведро. Потом второе передала подростку. Пётр, которого кто-то позвал с ремонтной площадки, подошёл, оглядел запруженный проход и коротко объяснил, где копать канавку, чтобы вода не возвращалась к погребу. Начали заново. Песок носили цепочкой. Часть людей держала проход, часть перекладывала мешки на сухое место, часть пошла будить хозяев дома, куда вода уже дошла до первой ступеньки.

Здесь всё снова сорвалось: один из добровольцев отошёл курить, и передача вёдер остановилась. Женщина закричала на него, тот ответил, что его никто не нанимал. Двое тут же бросили свои вёдра, заявив, что не собираются работать за ленивых. Игнат хотел пригрозить, что им зачтут нарушение, и слова уже стояли на языке — старые, удобные. Он прикусил его так сильно, что почувствовал кровь.

— Слушайте, — сказал он, плохо выговаривая шипящие. — Кто может ещё десять минут? Не час. Десять. Потом сменимся. Я… я тут останусь, куда мне деваться.

Остались пятеро. Ещё двое пришли от соседнего дома. Мужчина, ушедший курить, вернулся и не стал оправдываться. Спросил, где взять рукавицы. Женщина молча подала свои. В эту минуту никто никого не благодарил. Руки были мокрые, кирпичная крошка забивалась под ногти, от холодной воды немели пальцы. Из забытого погреба тянуло гнилой картошкой, которую течение вытолкнуло прямо на ступени. Но вода стала уходить в сторону двора, где не было жилых помещений.

Когда они закончили первый участок, Игнат обнаружил, что за двадцать минут его трижды просили решить, куда идти дальше. Он отвечал наугад, а каждый раз, когда не знал, прятал это за криком. Вспомнил, как сам приходил к Столу и ждал, куда поставят, и стало неприятно узнавать в себе распорядителя. Ему хотелось вернуться к очереди. Там место не нужно было выбирать: за тобой один человек, перед тобой другой. Спина болит — ну и болит. Никто не спросит, хорошо ли ты придумал.

Женщина в платке стояла по щиколотку в воде и выжимала варежки. У неё из кармана торчал обрывок спасённого учебника. Игнат хотел сказать, что скоро всё починят. Не сказал. Вместо этого спросил, нужно ли ещё вычерпывать из соседнего погреба. Она ответила, что

надо, но её руки больше не держат ведро. Он позвал подростка и предложил принести ей сухую тряпку. Подросток удивился, однако принёс.

— А вы теперь что? — спросила женщина. — Наш новый начальник?

— Чёрт его знает, — ответил Игнат. — Пока мешки таскаю. Только мне бы не начальником. Не умею, похоже.

Она устало фыркнула:

— Начальники у нас тоже не умели. Разницы пока не видно.

Игнат не обиделся. Женщина была права: сама вода не знала, кто и зачем спорит возле неё. Она текла по уклону, не проверяя ни талонов, ни желания людей. И если они не договорятся хотя бы о том, куда высыпать песок, вода придёт туда, где ей легче, — в чей-нибудь дом.

С другого конца площади показался Тихон. Он шёл быстро, непривычно широко размахивая руками; пальто было расстёгнуто. Игнат узнал его по серому удостоверению, которое тот носил на груди, и сразу напрягся. Смотрители обычно появлялись там, где кто-то начинал говорить громче положенного.

Но Тихон даже не посмотрел на очередь. Он направился прямо к распределительному люку, опустился на колени и попытался поднять крышку. Она не поддалась.

— Эй, — окликнул его Игнат. — Без инструмента не возьмёшь.

— Знаю.

— Тогда зачем тянешь?

— Проверяю.

Игнат чуть не улыбнулся. Этот ответ был до смешного похож на Митин.

— Там нужна скоба. Или лом. У меня на работе есть.

Тихон посмотрел вверх.

— Вы держите Стол?

— Держу.

— Значит, инструменты видели.

— Инструменты у нас только грузовые. Но лом есть.

— Принесёте?

Игнат осмотрел очередь, будто она была живым существом, которому предстояло сообщить неприятную новость.

— У меня место.

— Да.

— Если уйду, потеряю.

Тихон молчал. Игнат почувствовал знакомое раздражение: стоять рядом и молчать — вот всё, что умеют эти люди. Он уже собрался отвести глаза, как смотритель сказал:

— Тогда, может быть, я схожу.

— Вы не знаете, где склад.

— Покажете.

Разговор зашёл в тупик, но не в тот, к которому Игнат привык. Никто не запрещал ему действовать. Его лишь просили выбрать.

Женщина в зелёном платке подняла таз.

— Идите, — сказала она.

— А место?

— Подержу.

Игнат посмотрел на неё с неожиданной благодарностью.

— Мне, — сказал он, — надо не место подержать.

Он взял ведро и вышел из очереди.

Никто не остановил его. Именно это испугало сильнее всего.

⁂

Лом нашли на складе через двадцать минут. Его пришлось вытащить из-под сломанной тележки, которую собирались списать шесть лет. По дороге Игнат встретил Митю и Лёшу. Они несли коробку с отвёртками и двумя часами: школьными, снятыми с крепления, и Митиным будильником, который теперь ходил, но спешил на одиннадцать минут.

— Куда? — спросил Игнат.

— К Агате. У неё есть маленькие пружины, — сказал Митя. — Пап, у тебя лом?

— Вижу, что не хлеб.

— А ты что будешь делать?

Игнат замялся. От слов «буду чинить» ему стало почти смешно: он ведь ещё даже не открыл люк.

— Посмотрю трубу.

— Можно с вами?

— Нет.

— Почему?

— Потому что там опасно.

Митя кивнул без обиды. Лёша, который до сих пор молчал, спросил:

— А мы можем принести сухие тряпки? Чтобы инструмент не скользил.

Игнат посмотрел на его худые руки, на коробку с часами и вдруг увидел, как трудно дался подростку этот вопрос.

— Можете. Только к люку не подходите.

Мальчики побежали.

— Вы с ними знакомы? — спросил Тихон.

— Один мой. Второй, кажется, скоро будет жить у нас, если они ещё чего-нибудь придумают.

Тихон не улыбнулся, но в глазах у него что-то дрогнуло.

Крышку открыли втроём. К ним присоединился Павел с перевязанной рукой. Тихон пытался отослать его, но Павел только сказал:

— Я знаю здесь все задвижки. А смотреть можно и одной рукой.

Внизу ревело. Сквозь тёмный колодец поднимался холодный пар, и когда Игнат наклонился, брызги сразу намочили воротник. Павел осветил фонарём ржавую лестницу.

— Не спускайтесь, — сказал он. — Подмывает стенку. Там осыпь.

— А перекрыть?

— Можно снаружи. Если жива старая магистральная задвижка.

— Где она?

— Под зданием бывшей купальни. Теперь там архив Неотвеченных Писем.

Тихон медленно выпрямился.

— Архив закрыт для технических вмешательств без разрешения.

Павел приподнял забинтованную руку.

— А вода закрыта без трубы. Угадайте, что дольше продержится.

Два человека позади них рассмеялись. Смех вышел короткий, виноватый и оттого ещё более настоящий.

От площади к колодцу уже тянулись любопытные. Кто-то нёс ведро, кто-то — старую верёвку. Один старик принёс чайник, хотя чай в Республике был запрещён; на вопрос, зачем чайник, ответил: «С водой лучше разбираться, когда есть куда её налить».

Игнат ощутил, как вокруг него вырастает шум. Прежде за шумом следовало вмешательство смотрителей. Теперь рядом стоял смотритель и пытался понять, кому нужен ключ от архива.

— Я схожу, — сказал Тихон.

— Вас пустят?

— Наверное.

Он хотел добавить «если одобрят», но вовремя замолчал.

⁂

В архиве пахло клеем, сыростью и пылью. Тысячи нераспечатанных писем лежали в высоких деревянных шкафах. На некоторых конвертах выцветшие чернила образовали серые пятна: имена отправителей исчезли раньше, чем государство успело ответить.

Дежурная встретила Тихона над раскрытой книгой регистрации.

— Основание входа?

— Авария водопровода. Нужно пройти к старой задвижке.

— Вход по техническим вопросам осуществляется через очередь с восточной стороны.

— Там вода подмывает фундамент.

— Для сообщений о подмыве предусмотрен бланк.

Тихон увидел, что она боится. Не его и не воды. Боится, что сделает что-то без строчки в книге.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Гражданка регистратор.

— Я спрашиваю имя.

Она подняла голову. Её удивление длилось дольше, чем следовало бы.

— Соня.

— Соня, где проход к подвалу?

— За третьим стеллажом. Но нельзя.

— Почему?

— Потому что не было распоряжения.

Тихон стоял и слышал собственное дыхание. В груди родилась старая, почти приятная уверенность: достаточно ничего не отвечать, и женщина сама перестанет спрашивать. Его молчание служило годами. Оно было аккуратным, чистым инструментом, который не оставлял синяков.

Вместо этого он сказал:

— Я пройду туда. Если хотите, запишите моё имя. Тихон Савельев. Смотритель третьего разряда.

Соня медленно потянулась к перу.

— Вас уволят.

— Возможно.

— И меня.

Тихон не нашёл утешения. Он не имел права обещать ей безопасность.

— Я не буду просить вас идти со мной, — сказал он. — Но мне нужно пройти.

Она молча поднялась, взяла связку ключей и положила её на стойку. Не в его руку — на стойку, между ними.

— Третий, — прошептала она. — Длинный, с выщербленной бородкой.

⁂

Задвижка оказалась не за третьим стеллажом, а за двумя дверями и лестницей, где вода уже стояла по щиколотку. Тихон нашёл колесо под низким сводом, схватился за обод и потянул. Оно не двинулось. Попробовал ещё — кожа на ладонях сразу заболела.

Он долго думал, что главным его навыком было терпение. Теперь обнаружилось, что терпеть боль в руках гораздо легче, если понимаешь, зачем терпишь.

Сверху раздался голос Павла:

— По часовой! И не рывком, сорвёте шток!

— Оно не идёт!

— Подложите трубу в спицу!

Павел стоял у входа, тяжело дыша, с каким-то обрезком железа под мышкой. Следом появился Игнат. Он снял пальто, закатал рукава и без слов взялся за колесо. Его пальцы, двадцать лет обнимавшие тяжёлый край Стола, плохо разгибались, но хватка оставалась крепкой.

— Вместе, — сказал он.

Сначала железо только стонало. Потом что-то хрустнуло, колесо повернулось на четверть оборота. Вода вокруг ног дрогнула. Игнат почувствовал в плечах знакомую боль, но впервые за много лет она не была платой за чью-то трапезу.

— Ещё, — сказал Павел.

— Держу, — ответил Игнат.

Тихон остановился на мгновение. В этих двух слогах он услышал всю прежнюю жизнь Игната: держу, потому что велели; держу, потому что иначе упадёт; держу, пока кто-нибудь другой ест. Он не стал ничего говорить. Просто навалился рядом.

Колесо сдвинулось ещё.

Когда они вышли из подвала, на площади уже было темно. Из треснувшего участка магистрали вода больше не била. Зато вдоль стены архива образовалась длинная мокрая полоса: старые кирпичи успели напитаться влагой. Павел указал на неё здоровой рукой.

— Утром придётся укреплять. А сейчас люди должны набрать запас там, где ещё идёт вода. Иначе до завтра не дотянем.

— Кто разрешит? — спросил мужчина из толпы.

Тихон хотел ответить, но Игнат опередил его:

— Никто пока не разрешит. И никто не принесёт вам воду, если будете стоять здесь.

На площади стало тихо. Никто не ожидал такого от держащего.

— То есть можно уйти? — спросила женщина в зелёном платке.

Игнат вспомнил, как она обещала сохранить его место. Он посмотрел туда, где перед стеной всё ещё стояли семеро с пустыми вёдрами.

— Можно, — сказал он. — Только до реки не ходите одни. Там скользко. И воду надо кипятить, если берёте не из безопасного крана.

Женщина подняла таз и пошла к мосту. За ней тронулись остальные. Они двигались медленно и всё время оглядывались, как люди, впервые вышедшие из тёмного дома на слишком яркий свет.

⁂

Дома Марья встретила Игната у порога. Она не спросила, где он был. Взгляд её упал на грязные ботинки, на руки в ссадинах и на ведро, наполненное чистой водой до половины.

— Ты опоздал к вечернему построению, — сказала она.

— Да.

— Тебя записали?

— Наверное.

Она взяла ведро, поставила у печки. Митя сидел за столом и держал на коленях школьные часы. Рядом лежали две пружинки и тонкая проволока.

— Мы не починили, — сообщил он. — Но теперь знаем почему.

Игнат сел рядом. Никакого желания разбирать часы у него не было. Хотелось хлеба, тепла и чтобы хоть один день прошёл без вопросов. И всё-таки он спросил:

— Почему?

Митя начал объяснять про сломанную ось. Игнат понимал не всё. Марья развела огонь, поставила воду греться. Тепло медленно пошло по комнате, и некоторое время они разговаривали о вещах, которые можно было увидеть и потрогать: проволока, ось, сломанная зубчатка, мокрые кирпичи у архива.

Потом Митя поднял голову.

— Пап, а мы можем не ждать?

Игнат не ответил сразу. Он вспомнил, как рука его сама тянулась обратно в очередь; как страшно было уйти без разрешения; как легко стало, когда рядом нашёлся кто-то, кто умеет хотя бы чуть-чуть больше.

— Можем, — сказал он наконец. — Но это трудно.

Митя подумал и кивнул. Для него «трудно» не означало «нельзя». И Игнат с некоторой завистью понял, что сыну не придётся тратить полжизни, чтобы узнать разницу.

Ночью под городом снова ударило. На этот раз не дважды, а три раза подряд.

На рассвете Игната вызвали в Управление распределения. В повестке стояло: «Нарушение очередного положения и побуждение граждан к самовольному получению воды». Ниже мелким шрифтом: «В случае присутствия несовершеннолетнего Дмитрия установить источник преждевременного хотения».

Игнат положил повестку на стол так, чтобы Митя её не увидел. Но мальчик уже прочёл.

— Это из-за меня? — спросил он.

Игнат взял лист обратно.

— Нет, — ответил он. — Это из-за того, что они не любят, когда вода течёт не по расписанию.

Он попытался пошутить. Шутка вышла плохая. Марья не улыбнулась.

В городе начинался новый день. На газетном киоске висел листок: «ВОЗДУХ ОДОБРЕН». Под ним неизвестная рука приписала карандашом: «А ВОДА?»

Киоскёр успел увидеть надпись, но не стёр её.

Впервые за многие годы он решил сначала подумать.

Глава 6. Нет

Управление распределения размещалось в здании бывшего театра. От театра остался полукруглый зал, подковообразный балкон и тяжёлый запах старого бархата, который не удавалось вытравить даже ежедневной обработкой воздухом без запаха. Сцена была заложена кирпичом. Там, где прежде зрители смотрели на актёров, теперь висели шесть окон для приёма граждан.

Окна были закрыты. Перед каждым стояла очередь.

Игнат пришёл с Митей за двадцать минут до назначенного часа. Он думал, что их будут вызывать вместе. Но у стойки им выдали два разных талона: отцу — на проверку служебной дисциплины, сыну — на профилактическую беседу.

— Он несовершеннолетний, — сказал Игнат.

— Ваша осведомлённость о его возрасте одобряется, — ответила женщина за стойкой. — Сопровождение предусмотрено до порога.

— Я останусь с ним.

Женщина подняла глаза от регистрационного журнала.

— Такой графы нет.

Игнат положил на стойку оба талона.

— Добавьте.

Она посмотрела на бумажки так, словно они стали горячими.

— Гражданин, вы затрудняете обслуживание.

— Я просто хочу войти с сыном.

Слово «хочу» повисло в воздухе. Человек позади Игната осторожно отступил. Женщина сжала перо и, не глядя на него, позвонила в маленький колокольчик. Тот издал едва слышный деревянный стук.

Вышел служащий с бледным лицом. Служащие здесь были похожи друг на друга не одеждой, а выражением осторожного недоумения, с которым встречали любое событие, не описанное в инструкции.

— В чём затруднение?

— Сопровождающий настаивает на изменении порядка.

— Я отец, — сказал Игнат.

— Это учтено при регистрации родственной связи.

Митя потянул его за рукав.

— Пап, я схожу. Я же уже разговаривал с настройщиком.

Игнат посмотрел на сына. Слово «уже» должно было утешать. Но оно не утешало. В десять лет у Мити было слишком много опыта разговоров, после которых взрослые старались не смотреть ему в глаза.

— Я буду за дверью, — сказал Игнат.

Митя кивнул и пошёл за служащим.

⁂

Комната профилактической беседы была совсем маленькая. В ней помещались стол, два стула, шкаф без ручек и пластиковый цветок в узком стакане. Цветок был синим. Митя такого цвета в природе не видел и потому сперва подумал, что это новая порода.

За столом сидела женщина лет пятидесяти с аккуратно убранными волосами. Она не носила знаков смотрителя. Её звали Вера, и под именем на табличке стояло: «Врач общественного равновесия».

— Садись, Дмитрий.

— Можно просто Митя?

— Ты предпочитаешь сокращение?

— Меня так дома называют.

Женщина сделала пометку.

— Семейное название. Хорошо. Видишь, как приятно, когда человек умеет назвать свою потребность.

Митя сел. Стул оказался слишком высоким: ноги не доставали до пола. Он попытался придвинуть его ближе к столу, но ножки зацепились за ковёр.

— Не волнуйся, — сказала Вера. — Мы здесь, чтобы тебе помочь.

— С чем?

— С лишним напряжением.

— У меня ничего не болит.

— Не всякая боль ощущается как боль.

Митя подумал, что это похоже на загадку. Обычно загадки ему нравились. Эту, однако, Вера задала без улыбки.

— Ты часто спрашиваешь взрослых, почему они поступают так или иначе?

— Не очень. Только когда не понимаю.

— А если взрослый не может ответить?

— Тогда спрашиваю другого.

Вера снова записала что-то.

— Тебе не кажется, что это утомляет окружающих?

— Иногда. Папу особенно утром.

Вера чуть улыбнулась.

— Видишь, ты уже понимаешь последствия.

— Но если мне не ответили, я всё ещё не понимаю.

Она отложила перо.

— Дмитрий, в твоём возрасте важно научиться отличать вопрос от требования. Не всякий вопрос должен получать ответ. Мир существует и без нашего понимания.

Митя посмотрел на синий цветок.

— Это правда, — согласился он. — Часы тоже существуют, даже когда сломаны.

— Прекрасный пример.

— Только время они не показывают.

Улыбка исчезла. Вера не обиделась: это было видно. Она просто вдруг обнаружила, что разговор идёт по дорожке, которую ей не показывали на медицинских занятиях.

— Ты разбираешь часы?

— Да.

— Это поручение школы?

— Нет. Мы с Лёшей сами решили.

— Почему?

— Чтобы они ходили.

— Но зачем тебе знать время точнее? Твои занятия определены расписанием.

— Потому что есть время, когда можно что-то успеть. А если не знаешь, сколько его, можно не успеть.

Вера некоторое время рассматривала мальчика. Она работала с детьми пятнадцать лет и искренне считала себя хорошим врачом. После беседы с ней большинство пациентов уходили спокойнее. Некоторые переставали плакать. Некоторые — говорить. Она привыкла считать и то и другое признаком выздоровления.

— У меня есть упражнение, — сказала она наконец. — Оно помогает принимать то, что нельзя изменить.

— А если можно?

— Начнём с простого. Скажи: «Я готов принять, если одобрят».

Митя повторил. Вера одобрительно кивнула.

— А теперь скажи то же самое вместо «я хочу починить часы».

— Я готов принять починку часов, если одобрят.

— Хорошо. Что ты чувствуешь?

— Что часы так и останутся сломанными.

Вера вздохнула. Она не раздражалась, но мальчик мешал ей помогать ему привычным способом.

— Понимаешь, Митя, желание — это обещание самому себе. А обещание, которое не всегда можешь выполнить, причиняет страдание. Мы учим людей не страдать напрасно.

— Но когда я разбираю часы, мне интересно.

— До тех пор, пока они не ломаются окончательно.

— Тогда я расстраиваюсь. Но мы снова пробуем.

— Значит, тебе больно.

— Немножко.

— И ты мог бы избежать этого.

— Мог бы, — признал Митя. — Но тогда я бы ничего не узнал.

Вера посмотрела на свои руки. На правом запястье у неё был светлый шрам, похожий на тонкую нить. Митя заметил его раньше, но не решался спрашивать. Врач перехватила его взгляд и одёрнула рукав.

— Ты считаешь, что взрослые ошибаются?

— Конечно.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я сам ошибаюсь. А вы же тоже люди.

Он сказал это без обиды и без победы. Как говорят, что зимой бывает холодно. Вере стало не по себе. Она вспомнила свою первую больницу, ещё до того, как ввели новую систему приёма, и старого хирурга, который однажды спросил её: «Что будем делать?» Не «какой у нас порядок?», а именно «что будем делать?». Тогда она ответила и спасла девочке руку. С тех пор ей всё реже приходилось самой решать.

Она открыла папку.

— В заключении школы указано: устойчивое преждевременное хотение, склонность к самостоятельным вопросам и попытка привлечь другого учащегося к неутверждённой деятельности.

— Мы никого не заставляли, — сказал Митя.

— Я знаю. Ты, возможно, даже не замечаешь, что влияешь на людей.

— Это плохо?

— Влияние требует ответственности.

— А когда вы учите меня не хотеть, вы тоже влияете?

Вера сняла очки. В комнате слышалось шуршание вентиляции.

— Я стараюсь помочь тебе, — тихо сказала она.

— Я понимаю. Но можно я буду хотеть чинить часы?

Она долго молчала. Потом достала чистый бланк.

— Мы предложим тебе временное сопровождение. Тихон будет посещать вашу семью, а ты на неделю прекратишь самостоятельные занятия механизмами. Это не наказание. Это отдых для твоих желаний.

Митя почувствовал, как внутри него холодеет. Он не боялся тихих бесед. Он боялся, что школьные часы останутся лежать в коробке, Лёша снова скажет «мне всё равно», а папа, вернувшись с работы, посмотрит на сломанный будильник и велит убрать его под кровать.

— А если я не хочу отдыха? — спросил он.

— Вот об этом мы и говорим.

Дверь тихо открылась.

⁂

Игнат простоял в коридоре почти час. Сначала он считал шаги от двери до окна. Потом разглядывал трещину в штукатурке, которая шла от потолка к полу, разветвлялась над выключателем и исчезала за плинтусом. Ему казалось, что если он отвлечётся, с Митей случится что-то плохое.

На соседнем стуле сидел другой отец с девочкой лет семи. Девочка держала на коленях куклу без руки. Она смотрела на Игната очень серьёзно.

— Почему у вас рука такая? — спросила она.

Её отец немедленно взял её за плечо.

— Лиза, тихо.

— Ничего, — сказал Игнат. — Работал много.

— А она устанет когда-нибудь совсем?

Игнат посмотрел на свои пальцы. Они всё ещё были припухшими после вчерашней задвижки.

— Не знаю.

— Моя кукла тоже устала, — сказала Лиза и показала пустое плечо игрушки. — Мне сказали не огорчаться.

— А ты огорчаешься?

Девочка оглянулась на отца. Тот смотрел в пол.

— Не положено, — ответила она.

Игнат не нашёлся с ответом. Он вдруг увидел, как много раз говорил Мите то же самое — только другими словами. Не начинай. Подожди. Не спрашивай. Не сейчас.

Из-за двери донёсся приглушённый голос сына. Слов было не разобрать. Затем голос врача, ровный, убаюкивающий. Игнат встал.

— Куда вы? — спросил дежурный.

— К сыну.

— Беседа не завершена.

— Я слышу.

— Вы нарушите порядок.

Игнат остановился перед дверью. Вспомнил давний день, когда он впервые держал Стол: старший мастер объяснял, что нельзя менять хватку без команды, даже если занемеют руки. Тогда Игнат послушался. Через год пальцы перестали выпрямляться до конца. Через десять ему сказали, что это почётный знак верности.

Из комнаты донёсся Митин голос:

— А если я не хочу отдыха?

Игнат повернул ручку.

Врач сидела за столом, держа чистый бланк. Митя болтал ногами над полом. Синий цветок смотрел на них из стакана. Всё выглядело мирно, и от этого Игнату стало особенно страшно.

— Простите, беседа индивидуальная, — сказала Вера.

— Я забираю сына.

— Ему необходима помощь.

— Какая?

— Коррекция преждевременного хотения.

— Он хотел чинить часы.

— Не только. Он провоцирует взрослых на неопределённые ответы, подвергает сомнению установленный распорядок и учится воспринимать собственные желания как основание для действий.

Игнат сжал правую руку. В плече свело мышцу. Он подождал, пока боль пройдёт, и только потом сказал:

— Это мой сын.

— Никто не оспаривает вашего отцовства. Речь о благополучии ребёнка.

Вера говорила доброжелательно. Игнат понимал, что она не притворяется. Наверное, ей действительно казалось, что запрещать Мите разбирать часы — значит спасать его от будущих разочарований. Так же когда-то спасали целую страну от будущих войн.

— Послушайте, — продолжила она. — Мы не отнимаем у него возможности выбора. Мы просто отложим её до момента, когда он будет готов.

Игнат посмотрел на мальчика. Митя сидел прямо, но пальцы его вцепились в край стула. Он ждал. Не одобрения — ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.